

СОН НАД БЕЗДНОЙ

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Детектив-триллер

Татьяна Степанова

Сон над бездной

«ЭКСМО»

Степанова Т. Ю.

Сон над бездной / Т. Ю. Степанова — «Эксмо», — (Детектив-триллер)

ISBN 978-5-699-22198-1

Опальный олигарх Петр Шагарин, чьей экстрадиции требуют российские власти, внезапно умер в Праге. В смерть Шагарины не поверила только его жена. Она оказалась права: на глазах Вадима Кравченко и Сергея Мещерского, приехавших в Прагу, чтобы помочь с похоронами, Шагарин воскресает. Недельный летаргический сон не прошел бесследно для этого энергичного человека. Для полной реабилитации его отправляют в Нивецкий замок, что расположен в Карпатской глуши. Мрачная слава замка подтверждается: падает в пропасть бывшая любовница Шагарины, гибнет в аварии сын его друзей. Это убийства – убеждены Кравченко и Мещерский. Ведь Вадиму – мужу Кати Петровской, сотрудницы УВД, и его другу Сергею не раз приходилось оказывать помощь в расследовании преступлений. Словно в доказательство их версии в коридорах замка начинает мелькать зловещий призрак Потрошителя птиц, как называют этого упыря в здешних краях...

ISBN 978-5-699-22198-1

© Степанова Т. Ю.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Татьяна Степанова

Сон над бездной

*Было то в темных Карпатах,
Было в Богемии дальней.
Впрочем, прости... мне немного
Жутко и холодно стало:
Это я помню – неясно.
Это – отрывок случайный,
Это из жизни другой мне
Жалобный ветер напел...*

А. Блок

Глава 1

СЫН

В компьютерных играх, как и во всяких прочих играх, все зависит от везения и удачи. А еще от того, кто, например, вы по гороскопу – Стрелец, Телец или Скорпион. И ум тут совсем ни при чем, и сообразительность, и быстрота реакции, которой нет и никогда не было у вас... у тебя...

Перейти на новый уровень так и не удалось. Как и в прошлый раз. Как и в позапрошлый. Как и вчера, как и в среду, как и в воскресенье, как и месяц назад. Нет, месяц назад он только приехал из Женевы – занятия в немецком колледже еще не закончились, но отец позвонил, а потом прислал за ним.

В доме – этот дом он, впрочем, так и не научился считать своим – пахло переменами. А еще тревогой и скандалами. Но его это мало трогало. Его звали Илья. Ему только в мае этого года исполнилось четырнадцать лет. Он родился в Москве, но вот уже почти семь лет вместе с родителями жил за границей. Сначала в Лондоне, потом три месяца в Вашингтоне, потом снова в Лондоне, потом месяц в Иерусалиме, полгода в Афинах, потом снова в Лондоне, потом в Женеве – это уже без родителей. И теперь вот снова с родителями, уже здесь – в Праге.

А Москву он помнил смутно. Когда они уезжали, в Москве было пыльно и грязно. Все, кто окружал в то время его отца, только и говорили о дефолте и его последствиях, о политическом хаосе, об уходе из власти Ельцина, о преемнике, о финансовых потерях, о какой-то «сублимации либеральных ценностей», о катастрофических убытках, сплошных убытках, нескончаемых убытках...

В то время он – «мелкий», еще совсем малявка – не понимал смысла подобных взрослых слов и еще так не увлекался «Готикой» – компьютерной многоуровневой игрой, а скромненько играл в «Монополию». Отец – Петр Петрович Шагарин (там, в Москве, его знали тогда именно под этой настоящей фамилией – а сейчас у него были еще целых две ненастоящие фамилии по разным паспортам – эстонскому и грузинскому, по которым он нет-нет да и наведывался в Грузию под сень святого Джорджа на политические консультации), так вот, отец его считал, что «Монополия» – самая подходящая игра для сына. Игра, что развивает детский ум. Тренирует волю. Воспитывает азарт. Приучает зарабатывать. Набирать очки. Повышать. Укрупнять. Глобализировать. Добиваться успеха.

Как отец считал теперь и что он думал о «Готике» – было непонятно. Вообще сейчас, в этот вот конкретно взятый июньский вечер, родители отсутствовали. Словно их и не было никогда с ним в этом мире. В этом городе. В этой Праге.

А «новая игра», очередная битва, закончилась гибелью персонажа, которого он на этот раз себе выбрал. Персонажа звали Вальдор – он не был из породы звездных витязей, не был магом-странником. Он был просто Вальдор с Запада, решивший попытать счастья в кровавой битве с Чудовищем.

Чудовище обитало в Замке. На заре времен, еще до эры Интернета, оно уже превратило Замок в свое логово. И это было так же верно и непреложно, как и то, что родители – отец Петр Петрович и мать Елена Андреевна – сейчас отсутствовали. Их вообще никогда не было рядом, когда ему было плохо.

Чудовище бросилось из темноты – стремительно и свирепо. Вальдор – нет, он Илья Шагарин, настолько в тот миг он сознавал себя там, за стеклом монитора, под сводами замка, – не успел отпрянуть, не успел увернуться. Чудовище опрокинуло его навзничь и перекусило шею. Крак... он слышал, как хрустнули позвонки. До шеи хотелось дотронуться, но он боялся... так боялся, что ладонь его... нет, ладонь Вальдора... окажется липкой, красной...

– Entschuldigen, frau, darf ich Sie mal storen ? ¹ – громкий, безукоризненно вежливый, с нотками металла голос дворецкого за дверью в коридоре. Наверное, снова застучал горничную за праздной болтовней по мобильному. Когда отец подыскивал дом здесь, в Праге, он обратился в австрийское агентство, и они предложили эту вот виллу в парке на холме Петршин, откуда открывается такой чудесный вид на город. Отцу и матери вилла понравилась, и они арендовали ее. Агентство прислало своего дворецкого-управляющего, говорившего из принципа исключительно по-немецки. А горничные все были чешки. И между ними и дворецким велась скрытая война, к которой время от времени присоединялись и повара, и стюарды, и охранники, и даже личный шофер отца. Русские арендаторы виллы, хозяева, работодатели, даже отец, в этой войне в расчет не принимались. Впрочем, как успел давно уже заметить Илья (в свои четырнадцать он отличался сообразительностью), русские вообще в расчет не принимались особо нигде – ни в Лондоне, ни в Вашингтоне, ни в Женеве. Можно было заплатить сколько угодно денег – все равно «расчет» был бы точно таким же. И это следовало принимать в «старушке Европе» как данность.

Как данность следовало принять и то, что там, в мониторе компьютера, на холодных каменных плитах валялось тело растерзанного Чудовищем Вальдора. В Замке воцарился ужас. Хаос. Чудовище, расправившись с тем, кто бросил ему отчаянный вызов, снова бросилось по следу Принцессы.

Кстати, о Принцессе...

Илья Шагарин резко отодвинул стул и встал из-за компьютера. Спина затекла. И ногу он, кажется, отсидел капитально. В свои четырнадцать он был крупным парнем, склонным к полноте. Квадратная фигура, налитая жиром. Отец нанимал ему личного тренера для занятий спортом, но из этого особо ничего не вышло. Кроме езды на велосипеде. И даже еще круче – горном велосипеде. Он не любил смотреть на себя в зеркало даже в ванной – толстяк, шатен, лицо самое обыкновенное, мальчишеское, усеянное веснушками, как сорочье яйцо.

Разве на таких смотрят принцессы?

По Интернету он скачивал порнофайлы и собирал коллекцию. Но с девчонками пока у него еще ничего и никогда не было. Совсем. Ни с кем.

На Вацлавской площади вечером здесь, в Праге, раз плюнуть было снять шлюху. Он собирался пару раз. Но дико робел. Для таких штук в четырнадцать лет нужен старший товарищ – отвязный, без комплексов. Или же группа товарищей – надувшихся пива, гогочущих пацанов. Но здесь, в Праге, он был один. Кроме отца и матери, у него тут не было никого.

Кстати, о Принцессе...

¹ Извините, могу я отвлечь вас на минуту? (нем .)

На столе рядом с клавиатурой лежала тарелка с сэндвичами. Их осталось два, три он уже успел съесть. Может, Чудовище и убило там, в Замке, Вальдора потому, что он здесь жевал сэндвич с телятиной, густо сдобренный баварской горчицей и оливковым майонезом, – жевал и не успел увернуться, отпрыгнуть за каменный выступ, захлопнуть за собой чугунную решетку, запереть засов...

Чудовище растерзало его. И ринулось по следу Принцессы. Скоро и она умрет там, в Замке. И он ничего не предпримет, потому что ему не везет в игре, потому что по гороскопу он Водолей, а Водолеи игроки никудышные, и, как бы ни старались, как бы ни лезли из кожи вон, перейти на следующий уровень в «Готике» им не дано.

Наверное, Замок чем-то похож на Пражский град, так четко, так ясно видный из окна. Или нет... Замок-логово должен быть другим.

Внизу, в Страговском монастыре, колокол звонил к вечерне. Звуки долетали сюда, на склоны холма Петршин, смешиваясь с городским шумом, грохотом трамваев. Но все, кроме колокола, звучало как-то приглушенно – королевские сады смягчали уличную какофонию шелестом листвы, пением птиц.

Из окна комнаты, в которой он, Илья, жил вот уже почти месяц, ежедневно играя в «Готику», видны были только королевские сады – море свежей июньской листвы, зеленое, как сейчас, вечернее небо, громада Пражского града вдаль и совсем-совсем вдаль, словно игрушечная готическая страна, – мосты, крыши, шпили костелов, каминные трубы.

На зеленом вечернем небе всходила зеленая луна. Колокол Страговского монастыря умолк. Теперь слышны были только звуки саксофона – где-нибудь на площади в летнем кафе играл джаз. Обрывки какой-то мелодии...

Илья подошел к окну. Облокотился о подоконник. Кстати, о принцессе... Возможно, вот сейчас там, в Замке, Чудовище перегрызает ей горло. А здесь... Он глянул на монитор – здесь можно послать ей письмо по электронной почте: «Маша, привет, как дела? Это Илья». Кстати, о принцессе... Принцесса играет на скрипке. У нее веснушки, как и у него. Густые длинные волосы. А таких глаз, как у нее, нет ни у одной девчонки. И улыбки такой нет ни у кого. И ресниц... Ее отец никакой не король, а служащий отца, его ведущий юрист-консультант, адвокат по всем вопросам.

Звуки саксофона...

Погасший монитор...

Сэндвич с телятиной, который так хочется съесть...

Боль в шее, в которую вонзались его клыки...

Родителей нет, они уехали и теперь наверняка будут тусоваться до самого вечера. Ужинать во французском ресторане у Карлова моста, встречаться со знакомыми, обсуждать какие-то свои дела, проблемы. А он, как всегда, будет один. Возможно, попозже, когда совсем стемнеет, он начнет «новую игру» или же нет, попытается представить себе Замок. Ведь он непременно туда попадет когда-нибудь, и это уже не будет «виртуалом», игрой.

Илья закрыл глаза и представил. И увидел: зеленые, поросшие лесом холмы... нет, горы. Не слишком высокие – явно не Альпы, но и не низкие. Зеленое вечернее небо, зеленая луна. Что-то темное, стремительно летящее на ее фоне – ласточка? Нет, ласточки спят в такой час. Скорее всего летучая мышь. Нетопырь. Дорога, уводящая в еловую чащу. Тень нищеты и запущенности во всем – в этом буреломе, в ржавом покосившемся указателе на дороге, в растрескавшемся, изрытом выбоинами асфальте.

Где это место? Он ведь никогда там не был. И в компьютерной «Готике» совсем другие пейзажи – дороги, поля, холмы. Он стоял на какой-то возвышенности и видел перед собой эти незнакомые горы. Силился увидеть Замок – его стены, его башни, рвы, шпили. Сумерки ползли из-за гор. Темнело. Прозрачно-зеленый фон превращался в болотно-бурый.

Внезапно он всей кожей, всем своим существом почувствовал... по спине пробежал холодок, на лбу выступила испарина. Сердце прыгнуло в груди. Он был не один. Чудовище было здесь, рядом. Оно покинуло Замок, выйдя на ночную охоту. Оно шло по его следу и настигло его, как Вальдора. Еще секунда, и его клыки...

– Prosim, vezmu si to ?²

Илья резко обернулся. На пороге его комнаты стояла горничная – в синем форменном платье, она указывала на тарелку с остывшими сэндвичами. Он торопливо кивнул. Горничная была молодая, загоревшая в солярии блондинка. Звали ее Гражина. Он тысячу раз представлял ее себе голой без этого стремного синенького платица, без бикини – в одних туфлях на каблуках. Нет, она совсем не была похожа на... Нет, на фиг, к черту, совсем не похожа! Но все равно он дико комплексовал и стеснялся.

Горничная приветливо улыбнулась и забрала тарелку. Илья сглотнул – после пережитого приступа страха мучительно и остро хотелось есть.

² Простите, я заберу это? (чешск .)

Глава 2

ОТЕЦ

– Петя, ну как? Тебе нравится? – Елена Андреевна Шагарина повернулась к своему мужу Петру Петровичу, демонстрируя серьги и кольцо.

Они заехали в ювелирный магазин Шписа, что вот уже более двухсот лет занимал первый этаж особняка на углу Червеной улицы в двух шагах от Высокой синагоги пражского еврейского квартала. Этот ювелирный магазин чрезвычайно нравился Елене Андреевне атмосферой, что царила в нем, – солидность, надежность, благородство и приветливость. Здесь широко был представлен ювелирный антиквариат и произведения современных ювелиров со всей Европы. С тех пор как они приехали в Прагу, Елена Андреевна побывала вместе с мужем здесь уже несколько раз. На Рождество муж подарил ей чудный браслет в стиле «арт нуво» по эскизу Альфонса Мухи. А теперь они приехали, чтобы купить бриллиантовое кольцо и серьги.

Елена Андреевна смотрела на мужа, сидевшего в кожаном кресле. Магазин Шписа внутри напоминал одновременно и старую аптеку, обшитую дубом, и драгоценную шкатулку. Здесь все сохраняли точно в таком же виде, как и двести лет назад. Принимали их двое ювелиров-управляющих, пожилой и молодой. Пожилой неплохо изъяснялся по-русски.

Петр Петрович устало улыбнулся жене. Выглядел он в этот вечер как-то неважно. Вот уже несколько дней подряд у него побаливало горло. Врач сказал – ничего страшного, обычный тонзиллит, надо воздерживаться от холодного и пить горячее. Обильно и часто. Но лишняя жидкость в организме ведь тоже вредна. Особенно в таком возрасте. Что же, пятьдесят семь – возраст для мужчины особый. Елена Андреевна смотрела на мужа с нежностью. Наверное, ей очень повезло в жизни с ним. Да, повезло, и это несмотря на их нынешнее фактическое изгнание, на всю эту высасывающую силы нервотрепку. Они прожили в браке шестнадцать лет. У них замечательный сын Илья, которого ждет блестящее будущее. Они еще не стары – особенно она, ведь она моложе мужа почти на двенадцать лет. И потом, наконец, они богаты. Богаты так, что могут позволить себе многое, если не все.

– Лена, тебе очень идет это, – хрипло сказал Петр Петрович. – Но давай все же посмотрим и другой вариант.

Молодой ювелир по знаку своего пожилого компаньона, прекрасно понявшего желание клиента «посмотреть еще», приблизился к Елене Андреевне и помог справиться с застежкой кольца. Серьги она сняла сама. Пожилой ювелир, вежливо поклонившись, подал ей сафьяновый футляр с другим гарнитуром – тоже кольцо и серьги. Бриллианты и бериллы. И кстати, почти на тридцать тысяч евро дороже.

Елена Андреевна надела серьги. Взгляд ее скользнул в зеркале по своему отражению. Что же, для зрелой сорокапятилетней женщины, матери четырнадцатилетнего сына, перенесшей две полостные операции, совсем неплохо. Рыжие волосы, зеленые глаза, этот оливковый нежный загар. Она была высокой, рослой, и это спасло ее от полноты, сохранило фигуру, стать. Когда ваш женский рост приближается к ста восьмидесяти сантиметрам, то... В Швеции, где они отчаянно проскукали с мужем прошлую зиму, и в Англии, где они жили так спокойно и откуда им велено было убраться в двадцать четыре часа после того знаменитого скандала на пресс-конференции, это, возможно, и не имело бы такого значения. Но в России, где средний женский рост не превышает ста шестидесяти шести сантиметров, сто восемьдесят могли весьма удачно решить вашу судьбу.

В конце восьмидесятых Елена Андреевна работала в Доме моделей на Кузнецком Мосту. Тогда все уже разваливалось, как карточный домик, – надежды, карьера, быт. Она хотела уехать в Париж насовсем, попытать счастья там, может быть, выйти замуж за француза. Но вместо

француза ей встретился Петр Петрович Шагарин. Нет, внешнестью он уже тогда, будучи молодым, похвастаться не мог – среднего роста, лысый, в очках (сейчас он носил линзы). Он был весь такой смуглый, угольный, точно сожженный южным солнцем, а между тем родом был из Риги, жил и работал в Москве, был ведущим инженером в КБ станкостроительного завода. Но, помимо своего инженерства, уже тогда, в начале перестройки, занимался еще тысячью дел – покупал и перепродавал машины, дачи в ближнем Подмосковье, устраивал концерты популярных эстрадных певцов и писателей-юмористов. Имел массу знакомых на Мосфильме, Ленфильме и Одесской киностудии и тоже что-то там постоянно организовывал, устраивал, утрясал, договаривался, посредничал. Проявлял интерес к Дому моделей и работам Вячеслава Зайцева. Часто летал в Магадан и Бодайбо. Бывал во Владивостоке и Петропавловске-Камчатском.

«Господи, боже мой, – подумала Елена Андреевна. – Неужели та жизнь действительно была на самом деле? И та комната в коммуналке на Сивцевом Вражке (сойдясь с ней, Петр Петрович ушел от своей первой жены, оставив ей все нажитое – кооперативную квартиру, дачу, машину) тоже была?»

Они жили там какое-то время, а потом Петр Петрович взял и приобрел комфортабельную дачу в окрестностях Внукова. Это был девяносто второй год. Все разваливалось на куски. Дача во Внукове принадлежала семье дипломата, работавшего в ООН. Он не пожелал возвращаться и дачу спешно продал – Петр Петрович заплатил дипломату валютой, она у него была в достаточном количестве уже тогда. Все панически боялись инфляции и за доллары готовы были продать даже фамильное гнездо.

Это был их первый собственный дом *там*. Эта жалкая дипдача с водопроводом и скрипучей лестницей казалась ей почти дворцом. В девяносто шестом они продали ее – участок в несколько гектаров оказался золотым капиталовложением, а вот дом просто пошел под бульдозер на слом, и купили участок на Рублевском шоссе. Их тамошний дом был уже совершенно иным. Но его пришлось оставить, как и все остальное, уезжая за границу в фактическую эмиграцию.

– Это мне тоже нравится на тебе. Но... – голос Петра Петровича совсем охрип. Он помассировал горло ладонью. На нем была синяя рубашка с расстегнутым воротом и замшевая желтая куртка. Все от «Армани», но вот странно – на нем даже «Армани» не слишком бросался в глаза.

– Ты что, неважно себя чувствуешь? – спросила Елена Андреевна.

– Нет, все нормально.

Она посмотрела на мужа – ей показалось, что... Нет, нет, ей показалось, чего не бывает – легкая простуда, обострение хронического тонзиллита, немного распухшие гланды.

– Может быть, поедem домой? Илюша обрадуется, – сказала она.

– А как же столик в ресторане? – он снова смотрел на жену с усталой улыбкой.

– Наш сын редко видит нас, Петя.

– Скоро он будет видеть нас еще реже. А потом мы станем ему вообще не нужны.

– Мы будем нужны ему всегда. Как и друг другу. – Елена Андреевна в драгоценном бриллиантовом колье быстро подошла к мужу и положила ему ладонь на лоб.

– Нет у меня температуры, – он вздохнул и закрыл глаза. – Рука у тебя прохладная. Так жарко, а ты прохладная.

– Давай ничего не будем покупать здесь сегодня, – сказала Елена Андреевна.

– Тебе совсем ничего не понравилось?

– Нет, мне как раз понравилось все, но...

– Тогда что-то мы должны купить сейчас!

– Почему сейчас? – она услышала в голосе мужа так хорошо знакомое ей тревожное нетерпение.

- Потому что... вдруг потом больше не будет подходящего времени, Лена.
- Не будет подходящего времени? – она искренне удивилась. – Почему?
- Ну, так просто. – Он поднялся с кожаного кресла.
- Послушай... ты все же... ты хорошо себя чувствуешь?
- Я чувствую себя прекрасно. – Петр Петрович энергичным жестом подозвал к себе

пожилого ювелира.

Елена Андреевна поняла, что он намерен купить ей бриллиантовый гарнитур.

– Мне больше понравился первый вариант, – сказала она покорно (вопросы сделок были всегда его прерогативой).

Молодой ювелир снял с нее кольцо с бериллами и осторожно надел другое.

Елена Андреевна подошла к зеркалу. Петр Петрович разговаривал с пожилым ювелиром.

Похожее кольцо было на ней тогда, в девяносто пятом, когда их с Петром Петровичем впервые пригласили на прием в Кремль. Это был специальный прием для тогдашней элиты бизнеса. Как неуютно они себя там чувствовали, на этом приеме. А потом был еще прием и еще, потом был даже бал. И как-то незаметно все вошло в норму, стало даже привычно. Господи, даже скучно!

А потом произошло это проклятое убийство председателя банка «Росинтеграция». И Петру Петровичу позвонили, предупредили, что за ним могут приехать из прокуратуры и ФСБ, что вопрос о его задержании решается на Лубянке. И он среди ночи – да, а что было делать? – поехал в Кремль. И его туда пропустили. Все газеты потом ехидно писали, что он скрывался от возможного ареста в кремлевской приемной, коротая ночь на диване. Но это было ложью. Тогда в Кремле ни на каком диване он не спал, сидел в одном просторном кабинете с видом на Царь-пушку из окна и вел разговор за чашкой кофе с одним умным человеком.

В принципе уезжать, эмигрировать из страны им следовало уже тогда. Ночной звонок, предупреждение о возможном аресте – это был сигнал, которому они не вняли. Но как Петр Петрович мог внять этому сигналу? К тому времени он обладал уже немалым, солидным капиталом. И бизнес – тогдашний российский бизнес середины девяностых – не то чтобы разочаровал его... нет, он стал ему тесен. Елена Андреевна знала своего мужа как никто другой – нет, нет, он никогда не был бездушной машиной для наживания миллионов, а потом и миллиардов. Бизнес был лишь одним, самым выгодным приложением его природного таланта и кипучего, деятельного, во многом саморазрушающего, самопожиряющего темперамента. Во главе же угла всегда стояли идеи. Масса идей. Самых разных, порой даже взаимоисключающих друг друга. У крупных и по-настоящему талантливых бизнесменов вообще всегда во главе угла – идея, мечта, пусть и самая бредовая, как, например, футбол во всех его разновидностях и ипостасях. Или же «нефтяное государство в государстве», «корпоративная солидарность», «бизнесхартия», «Священный союз», «Общеввропейская конституция», или же «перманентная демократизация тоталитарных режимов», как у старика Сороса, или же...

Либеральная идея – вот что всегда было во главе угла для Петра Петровича Шагарины. Либеральная идея... «Иде я нахожусь?!»... Господи, как же он – такой всегда сдержанный, вежливый, вкрадчивый – раздражался и бесился, когда при нем упоминали этот стариннейший, с бородой анекдот времен Леонида Ильича! «Иде я нахожусь...», идея либеральная...

А ведь ему многие сведущие люди говорили, что на текущий момент это еще больший бред и морок, чем футбол и «демократизация тоталитарных режимов». Но он ухватился за эту идею. Прилип, точно к смоле! И начал создавать, сколачивать собственный партийный блок.

Елена Андреевна с содроганием вспоминала эту партийную эпопею. Пора было срочно выводить капитал за рубеж. А он – ее муж – маниакально занимался партийным строительством. Сколько денег они потеряли на этом? Конечно же, он все сосчитал до последнего рубля, до доллара – деньги свои и чужие он считать умел. Но ИДЕЯ – это прожорливый Молох... Она существовала вне этих его катастрофических финансовых потерь, вне денег, вне его самого.

Неужели он и правда всерьез мечтал, что на гребне этой идеи он когда-нибудь станет президентом? Вряд ли. Все же он был – во всем, кроме этого, – жесткий прагматик и реалист. Но что может поделаться прагматизм с человеческой натурой?

«Как ты не понимаешь, Лена, это ведь так просто. Либеральные ценности, заложенные в менталитет нации, – это ведь... это не что иное, как существующий вот уже двести лет на одном и том же месте, в одном и том же доме ювелирный магазин на Червеной улице», – горячился Петр Петрович, когда она начинала спорить с ним. И напрасно было спрашивать о том, торговали ли бриллиантами в том магазине во время войны, когда по узким улочкам еврейского гетто громыхали грузовики СС, и потом, во времена Варшавского пакта, и той самой пражской весной с ее цветущими каштанами и танками? «Ах, Лена, ты должна со мной согласиться, ты должна принять мою точку зрения, это так для меня важно», – говорил он. И она принимала и соглашалась. Она чувствовала его безмерное одиночество. Вокруг было столько людей – одной услуги со счета сбиться, а они всегда чувствовали себя словно в вакууме. Странно, этот всепоглощающий вакуум точно ядовитое облако начал обволакивать собой и их сына. И это тревожило Елену Андреевну больше всего.

Имелось и еще одно тревожащее обстоятельство. И оно стоило Елене Андреевне немало душевных сил и нервов. Но оно уже, к счастью, было в прошлом. Да, без всяких сомнений в прошлом. Ведь он – ее муж – сам ей сказал об этом.

Бриллиантовый гарнитур упаковали в футляр. Петр Петрович пожелал забрать покупку с собой. Он выписал чек. В это время в ювелирный магазин заглянул Анджей Хогель, водитель-охранник. В Праге, как, впрочем, и в Лондоне, многочисленная охрана использовалась Петром Петровичем лишь во время каких-то светских или политических мероприятий. Конечно, за свою личную безопасность следовало опасаться всегда, но... В Европе, да и в Америке, как известно, за глаза потешаются над всеми «новыми русскими», приезжающими с пышной многолюдной свитой. Это все признаки варварства, азиатчины, ущербности менталитета. А здесь так вести себя не принято, это дурной тон. Здесь сам Билл Гейтс ходит в клетчатой ковбойке и кроссовках, норвежские нефтяные магнаты ездят на велосипедах, создатель мировой империи моды, как простой обыватель, каждое утро прогуливается «на уголок» к соседнему с его особняком кафе и покупает грошовые комиксы и газеты.

Водитель-охранник протянул Петру Петровичу спутниковый телефон. Елена Андреевна сразу поняла, что мужу звонит Павел Шерлинг – его юрист и поверенный в делах.

– Вечер добрый, Петр Петрович, как самочувствие?

– Отличное, спасибо. Какие-то новости? – Петр Петрович сделал вежливый жест пожилому ювелиру – одну минуту, извините.

– Из Москвы в пражскую прокуратуру послан очередной запрос.

– О чем?

– Снова о вашей экстрадиции. – Шерлинг на том конце кашлянул. – Опять эта возня.

– Ну, здесь, в Праге, волноваться не о чем, – сказал Петр Петрович.

Елена Андреевна посмотрела на него – бодрится. Вот так же он бодрился и в Лондоне. Там дошло до того, что встал вопрос о политическом убежище по политическим мотивам. Генеральная прокуратура бомбардировала Лондон запросами об экстрадиции – в России против Шагарина были возбуждены уголовные дела по обвинению его в финансовых махинациях, незаконном предпринимательстве и отмывании капитала. В результате вопрос о политическом убежище отпал сам собой. Но он убеждал себя и ее – «Англия никого не выдает, мы здесь в полной безопасности». Запрос об экстрадиции был рассмотрен в лондонском суде и оставлен без удовлетворения. «Вот видишь, Лена, Англия никогда никого не выдает! Это принцип, вековая традиция, имеющая силу закона. Это и есть либеральная идея в действии», – повторял Петр Петрович. Она видела не только это, но еще и то, что он теряет самоконтроль и впадает в эйфорию. И снова бредит этой своей «либеральной идеей», партийным строительством –

подспудно из-за рубежа, с берегов туманного Альбиона. Та скандальная пресс-конференция в Сити... Ах, не надо было ее проводить. И на вопросы журналистов не надо было отвечать так резко, так агрессивно. Надо было понимать, что в предвыборный год на берегах Москвы-реки все эпатажные обличительные филиппики с берегов туманного Альбиона трактуются совершенно в особом ключе.

По поводу той пресс-конференции уже в английский МИД поступил запрос. Англия, конечно, не выдавала никого и никогда, но... Петра Петровича внезапно вызвали в Скотленд-Ярд и допросили. Оказывается, во исполнение запроса коллег из Москвы. Затем свой визит в их особняк на набережной Темзы нанес коронер. А потом... потом были долгие консультации. В Лондон спешно прилетел адвокат Павел Шерлинг и... ничего не добился. Им всем было настоятельно рекомендовано покинуть пределы страны. Нет, Англия, родина Шекспира, Шелли и столь любимого ими обоими Тома Стоппарда, не выдала их. Она просто вышвырнула их пинком под зад в Восточный сектор, в эту самую Прагу.

Елене Андреевне так хотелось объяснить мужу – мягко, чисто по-женски: вот видишь, дорогой, и это тоже твоя либеральная идея в действии. Но она жалела его. Она чувствовала – ему нанесен жестокий удар. И просто грешно ей, его жене, прожившей с ним в браке шестнадцать лет, добивать его этим. Хотя... Были, были в их такой счастливой супружеской жизни моменты, когда ей хотелось ударить его – ударить как можно больнее, чтобы он понял, осознал... Об этих моментах Елена Андреевна вспоминать не любила. Ведь он сам сказал ей, что с прошлым – *с тем* прошлым – покончено. Он поклялся ей. И здесь, в Праге, ей не в чем было упрекнуть его как мужа. Он проводил много времени с ней. Исполнял все ее капризы. Покупал драгоценности. Вот сейчас, после магазина Шписа, они должны были поехать в тот французский ресторан у Карлова моста и ужинать – вполне счастливая, очень богатая зрелая супружеская пара, пусть и гонимая, находящаяся под дамокловым мечом экстрадиции по запросам российской генпрокуратуры, но все равно живущая полной жизнью. Что-то в духе старого голливудского кино с Кетрин Хепберн и Спенсером Трейси. Но старое голливудское кино Петр Петрович терпеть не мог.

– Как Лида поживает? – спросил он Павла Шерлинга по телефону после небольшой паузы. – Загорела? Это хорошо... Привет передает? Лена, Лида передает привет, слышишь? – Петр Петрович глянул на жену. – Ей тоже привет от моей Лены. А как у Маши дела?

Лида, точнее, Лидия Антоновна, была женой Павла Шерлинга. Маша – их восемнадцатилетней дочерью. Самому Шерлингу только-только исполнилось сорок – он выглядел значительно моложе и часто со смехом и тайной гордостью говорил, что его порой принимают не за отца, а за бойфренда «столь юного создания». Станный пунктик для самолюбования, особенно для правоведа и юриста. Вообще от четы Шерлинг, будь ее воля, Елена Андреевна держалась бы подальше. Но Петр Петрович чрезвычайно ценил Шерлинга за деловую хватку и трезвый ум. И доверял ему. А ведь он доверял очень немногим.

Они покинули ювелирный магазин – у его дверей их ждала машина. Водитель Анджей распахнул перед ними ее серебристые сияющие двери. Потихоньку тронулись. Удобно устроившись на белых кожаных сиденьях, Елена Андреевна закурила. В салоне было прохладно, пахло лимонной эссенцией. Петр Петрович откинул голову на кожаный подголовник.

– Довольна? – спросил он.

– Да, а ты?

– Я?

– Тем, что купил мне такой отличный подарок?

– Конечно.

– Что Павел сказал тебе по поводу Маши? Сдала она свои экзамены?

– Да. Осенью поедет в Мюнхен. Там, Павел сказал, традиционно сильные преподаватели по классу скрипки. Будет заниматься.

– Талантливая девчушка.

– Очень.

– В прошлый раз, когда они все вместе к нам приезжали, мне показалось... она сильное впечатление произвела на Илюшку.

– Это было давно, Лена. – Петр Петрович посмотрел на жену. – Когда они все приезжали... Илья тогда был совсем еще ребенком.

– Это было год назад, – тихо возразила Елена Андреевна.

– Правда? А мне показалось... столько времени прошло...

– Ты устал?

– Нет, с чего ты взяла?

– Просто вид у тебя такой... отрешенный.

– Разве?

– Думаешь об этом чертовом запросе из прокуратуры? – тревожно спросила Елена Андреевна. Странно, но здесь, в салоне машины, вид Петра Петровича ей не понравился. Откуда эта нездоровая желтизна, эта внезапная бледность, проступающая на его смуглом лице как нечто чужеродное – как грим, как белила, как мука?

Боже, при чем тут мука? Какая еще мука?

– Нет, об этом я совсем даже не думаю. – Он вяло пошевелился. – Ты вот напомнила. Он сказал, а я почти сразу забыл...

– Да? А о чем же тогда ты думаешь?

Он не ответил – смотрел в окно машины. Они неспешно ехали по узким улочкам еврейского квартала и как раз остановились на перекрестке возле Еврейской ратуши. Петр Петрович смотрел вверх – на двойные часы. Стрелки римского циферблата показывали время, по которому они все, весь город, целый мир жил и работал. Стрелки другие – единственные в своем роде и неповторимые, – шли в обратном направлении, показывая совершенно иное время.

Иное... Чье?

Снова настойчиво зазвонил спутниковый телефон. Петр Петрович увидел высветившийся номер и ответил сам. После первой же услышанной фразы лицо его ожесточилось.

Елена Андреевна отвернулась – эти часы, отсчитывающие время назад. Даже они со всей их хитрой средневековой механикой ничего не могут изменить.

– В предвыборный год это наш единственный шанс! – услышала она резкий окрик Петра Петровича. – Я говорю, делайте то, что я сказал. Не ваше дело, какие последствия... За последствия отвечаю один я. Семь лет вот уже отвечаю...

«У него совсем другой голос, когда он говорит со мной, – подумала Елена Андреевна. – А вот на Илюшку он порой тоже орет. Это скверно. А меня он пугает. Или жалеет, или старается загладить ту свою вину, поэтому и обращается всегда мягко».

– Пусть, пусть грянет скандал! – Бледность на лице Петра Петровича сменилась багровым румянцем, он крепко стиснул телефон. – Какие еще, к черту, новые обвинения? В дестабилизации? Меня в убийствах обвиняют, что мне ваша дестабилизация?! Да, я сказал только так и никак иначе. Я этого хочу. Да, я добиваюсь именно этого. В конце концов, я все это финансирую... Я плачу деньги, и мне нужно, чтобы вы не умствовали, а точно исполняли мои инструкции. Нет, я сказал, нет, этого недостаточно. Организуйте пресс-конференцию здесь, в Праге, телемост. Да, я хочу выступить. Мне есть что сказать, в том числе и по тем бредовым клеветническим обвинениям, которые посылаются в мой адрес из...

Он не договорил – внезапно снова сильно побледнел и со свистом втянул в себя воздух. Елена Андреевна обернулась – она увидела, как Петр Петрович вдруг резко наклонился вперед. Потом как-то обмяк, начал клониться набок.

– Петя, ты что, что с тобой?

Спутниковый телефон выпал из его разжавшихся пальцев.

– Петя, что... тебе плохо, сердце?! Анджей, остановите машину!! – крикнула не своим голосом Елена Андреевна.

Но они и так стояли на перекрестке под часами Еврейской ратуши. Елена Андреевна повернула мужа к себе – голова его безжизненно свесилась на грудь, подбородок уперся в воротник рубашки. Глаза были закрыты, губы крепко сжаты. Цвет их был синюшный. В уголках рта выступила пена.

– Господи, помогите же кто-нибудь! – Елена Андреевна распахнула дверь машины – жаркий вечерний воздух ворвался в прохладу кондиционера. Вокруг начала собираться толпа – пражане и туристы с изумлением наблюдали, как из салона роскошного серебристого «Лексуса» истошно кричит одетая в белый летний костюм от Гуччи женщина с ярко-рыжими волосами, уложенными стильным парикмахером. Кричит по-русски. Ох уж эти непредсказуемые шальные русские с их генетической достоевщиной и вечными танками!

Первым просек ситуацию пражский полицейский – протиснулся, заглянул в салон «Лексуса», увидел распростертого на кожаных сиденьях Петра Петровича и мигом вызвал по телефону карету «Скорой помощи». Она приехала по-европейски быстро. Врачи в синих комбинезонах, не обращая внимания на любопытство толпы, принялись за оказание первой помощи больному.

Елена Андреевна, выбравшись из машины, стояла, вцепившись в рукав водителя Анджея – он тоже был испуган, ничего не понимал: вот только что патрон был жив-здоров, ехал в машине, говорил по телефону и вдруг – бац!

Лицо Петра Петровича, уложенного на каталку, покрыла кислородная маска. Спины врачей отгородили его от Елены Андреевны. Часы на ратуше начали бить. Только вот какое время они показывали – то или другое, верное или обратное, прямое или кривое, с той стороны или с этой?

Один из врачей подошел к Елене Андреевне. Начал что-то говорить по-чешски.

– Я не понимаю... Анджей, что ему надо, почему они не везут его в больницу?!

– Он говорит... пани Елена, ничего нельзя сделать. Поздно. Он был уже мертв, когда они приехали.

– Что?!

– Он умер, пани. Они говорят...

Елена Андреевна рванулась к мужу. Врач-чех попытался удержать ее. Но она оттолкнула его. Она не верила. Сама мысль об этом казалась ей дикой, нелепой. Они только что говорили с ним... Покупали колбе в магазине Шписа... В ресторане у Карлова моста их ждал заказанный столик... А дома на вилле в королевских садах Петршин их ждал сын Илья...

Бой часов стих, и стало слышно Прагу – разноязыкий гомон толпы на ее древних улицах, шипение пивной пены, льющейся через край ее кружек, звон ее трамваев, воркование ее голубей, ее смех, ее бестолочную сутолоку, ее беззаботность и презрение к сиюминутному настоящему, уже ставшему в ее каменных, запорошенных готикой глазах прошлым.

Елена Андреевна приблизилась к каталке. Ее глаза не видели ничего, кроме его руки, свесившейся вниз.

Глава 3

НА СТАРОМЕСТСКОЙ ПЛОЩАДИ

Динь-дон, бамм! Колокол прозвучал. Кто ударил в него в этот раз? И взвилась как ошпаренная над крышами домов, окружающих Староместскую площадь, стая запыленных жирных голубей. Часы – не те, что в еврейском квартале, другие, но тоже часы городской ратуши, начали свое представление. Сергей Мещерский, сидя за столиком летнего кафе, оккупировавшего угол площади как раз у подножия памятника Яну Гусу, наблюдал этот староместский театр. Бронзовые стрелки на синем гигантском циферблате показали девять вечера, закатный луч позолотил левую часть изображенного на часах Зодиака – там, где Дева и Скорпион, колокол брякнул, предостерегая, и процессия средневековых фигурок показалась из окон: апостолы двинулись в путь. Только вот путь этот был всегда замкнутым кругом.

В колокол звонила темная смутная фигурка в самом верхнем часовом окне, провожала апостолов в дорогу. Сергей Мещерский вспомнил, как в свой самый первый приезд в Прагу он стоял вот здесь, у памятника гуситам, в толпе зевак и созерцал эти вот часы Староместской ратуши. И воображалось ему тогда, что в колокол звонил Ангел, но это было обманом зрения. Приглядевшись получше, он увидел там, на верхотуре над часами, в ажурной готической резьбе и сусальной позолоте Смерть. И вот он снова был в Праге, какой уже по счету раз? А ничего не изменилось – и она, эта дама, была все там же: при часах, на своем посту.

Напротив Мещерского сидел его закадычный друг детства Вадим Кравченко. Вид у него был мрачный. Легкий июньский ветерок шевелил клетчатую скатерть на их столике. Чешское пиво манило, прельщало. Официант принес и поставил фирменную закуску – «утопенца», мощную такую пражскую колбаску, утопленную в уксусе и горчичной подливке. Но аппетита не было, пропал он, куда-то делся. И пиво казалось горьким в этот потрясающий летний пражский вечер.

– Ну, славяне... – хрипло изрек Вадим Кравченко, вперяясь в часы, закончившие свой маленький театр. – Ну, славяне, мать их, – повторил он, сверля взглядом из-под нахмуренных бровей ни в чем не повинный средневековый Зодиак, дававший представление пражанам о небесной механике и музыке сфер. – Он им соорудил всю эту красоту. Старался мужик. А они в благодарность выкололи ему глаза. Чтоб не посмел нигде, ни у кого сделать ничего лучше.

Мещерский понял, что друг его имеет в виду старую историю про мастера, сделавшего эти вот астрономические часы на Староместской ратуше, которого, по легенде, коварные соотечественники лишили зрения. В этот и без того грустный вечер только и вспоминать было, что эту средневековую страшилку.

– Вот что такое есть славянство в натуре, – все не унимался Кравченко. – Вот откуда пошли мы, Серега.

– Мы русские, Вадик, – Мещерский примирительно вздохнул.

– У меня прадед по отцу с Донбасса, а предки его из Белой Церкви.

«Луна спокойно с высоты над Белой Церковью сияет...» Ах ты, господи...

– Вадик, ну и у меня тоже по отцовской линии прапрадед немец, австриец.

– Барон?

– Мещерский-Виткендорф.

– Барон? Ну?

«До рассвета поднявшись, коня оседлал знаменитый Смальгольмский барон...» Ах ты, черт, а это еще откуда?!

– Вадим, давай лучше пивка, а? – Мещерский снова вздохнул.

Лучшее чешское пиво отдавало злой полынью в этот вечер, и ничего с этим поделаться было уже невозможно. Кравченко пронзил «утопенца» вилкой.

– Гадство, – подытожил он. – Нет, какое ж все-таки гадство кругом, Серега.

А какое кругом было гадство? Да ровно никакого. Бредил друг Вадик. Бредил наяву! Кругом была Прага и Староместская площадь – шумная и веселая в этот вечер, заставленная столиками кафе, укрытая полосатыми тентами и зонтами, полная немецких, шведских, русских, английских, финских и прочих, прочих, прочих туристов. Позолоченная мягким закатным солнцем. Чисто прибранная, вымытая, пестро раскрашенная фасадами, ярко начищенная медными табличками – здесь жил Франц Кафка и здесь жил Франц Кафка. И вот в этом доме тоже жил Франц Кафка. А вот здесь в мансарде он писал свой «Процесс». А вот здесь встречался с любовницей, а вот тут служил в конторе клерком, а вот тут просто прислонился к двери спиной, возвращаясь пьяный из пивной. И вообще кругом было хорошо, покойно, комфортно, славно. И только им, двоим отщепенцам от общего туристского благолепия, точнее, другу Вадика было...

Конечно же, Мещерский догадывался об истоках его мизантропии и столь критического взгляда на мир, на Прагу и на славянство в частности. Точнее, он просто знал самую главную причину. Собственно, по этой причине он и оказался здесь, в Праге, в неурочное время. Июнь, как и май, был в турфирме «Столичный географический клуб», совладельцем которой являлся Мещерский, страдной порой. И бить баклуши в сытой буржуазной Праге вроде было недосуг, более того – убыточно было для и без того шаткого бизнеса, специализирующегося на экстремальном туризме. Но друга Вадика в таком состоянии просто нельзя было бросать одного даже в Праге.

Кравченко был послан в Прагу с весьма щекотливым и неприятным поручением его собственным боссом – известным в Москве предпринимателем Василием Чугуновым. Взялся же он за выполнение этого поручения по собственному желанию – точно в омут с головой прыгнул по причине... по причине жестокой ссоры с Катей, своей женой. Насчет предмета ссоры Мещерский тоже был в курсе. На его взгляд, все было совсем не так уж трагично. И вполне поправимо. Надо было просто проявить мудрость и такт, а не лезть в бутылку сразу, как друг Вадик.

События, в результате которых сослуживец Кати по областному ГУВД начальник отдела убийств майор милиции Никита Колосов попал с переломами в Центральный госпиталь МВД, Мещерский тоже знал очень хорошо. Более того, сам в этих событиях активно участвовал. Дело было настолько серьезным, что в ходе его Никита вообще мог не только здоровье потерять, но и с жизнью своей расстаться. Мещерский с дрожью вспоминал то жуткое кладбище в подмосковном Мамонове-Дальнем, на которое они, слава богу, примчались так вовремя...

Катя, конечно, за Никиту дико тогда переживала. Ну и понятно – они сослуживцы, оба люди в милицейских погонах. Она его коллега, и кому, как не ей, приходиться ему на помощь в минуту опасности и потом ездить в Центральный госпиталь МВД на Октябрьское Поле навещать, подбадривать, делать все, чтобы друг и коллега как можно скорее выздоровел и снова встал в строй.

Он сорок раз говорил другу Вадика, что на эти частые поездки Кати в госпиталь к Никите надо смотреть только так. И никак иначе. Но разве друг Вадик слушал какие-то разумные доводы по поводу своих отношений с ней?

Кончилось это тем, что все покатилося, как с горы, кромешным обвалом.

– Нет, ты погоди, ты лучше ответь мне – он ей кто? – мрачно вопрошал Кравченко, сверкая глазами.

– Он? Никита? Просто коллега. Больной, травмированный, госпитализированный. – Мещерский уж и не знал, что еще придумать.

– А я ей кто? Ну?

– Ты ее муж.

– Нет, ну ты понял? А знаешь, что она мне сказала?!

Беседа сия происходила на квартире Мещерского, куда Кравченко заявился среди ночи. Мещерский – сонный и растерянный, понял лишь, что друг Вадик и Катя наговорили друг другу сгоряча немало лишнего.

– Захочет, я дам ей развод. – Кравченко ударил кулаком по географической карте, искони служившей в комнате Мещерского обоями. Попал в Республику Чад, что в Африке, словно это она, бедная, развивающаяся, была виновата. – Слышь, Серег? Только пусть сама мне это скажет. Сама.

– Ты в своем уме?!

– Дам ей развод. А этому вашему менту башку оторву, когда с него гипс снимут. Снова в госпиталь уляжется у меня.

– Вадик!

– Пожалее у меня горько, сволочь, что на свет родился. А она... Ну а на ней... на ней ты потом женишься.

– Вадик!

– Чего опять Вадик? Чуть что – сразу Вадик! Я тридцать лет уже Вадик. Думаешь, не вижу ничего? Все вижу. Пулей в загс полетишь, только пальцем поманит. Только знаешь что я скажу тебе, Серега?

– Что? – Мещерский чувствовал, как предательски краснеют, полыхают его уши – друг Вадик угадал, просек ситуацию в корень, что называется.

Кравченко глянул на него проникновенно:

– Скажу – не женись, душа моя... Ах, не женись.

Тон у него был при этом совсем другой: пародировал друг Вадик актера театра Петра Фоменко в сцене из знаменитого «фоменковского» спектакля, хотя прежде никогда фанатом сцены не был.

Наутро Мещерский решил немедленно исправить сложившуюся нездоровую ситуацию. О том, как именно мирить Катю и друга Вадика, он усиленно размышлял, завтракая во французском кафе (Кравченко после перенесенной душевной травмы, обильно залитой водкой, спал у него дома на диване). Была суббота, Катя явно была дома. Мещерский тоже хватанул для храбрости «а-ля» паризьен» рюмку кальвадоса и отправился на Фрунзенскую набережную. Там, в квартире Кати, он застал целое общество, этакий девичий цветник: подружки Кати Анфиса и Нина значительно опередили его. И вроде бы ничего не происходило такого – дверь на звонок Мещерского открыла Анфиса. Подбоченилась, глянула на маленького Мещерского сверху вниз – а ты еще зачем сюда, а? Он бочком протиснулся мимо нее в прихожую. Цветник заседал в комнате – на полу были разбросаны яркие подушки и обувные коробки. Катя, Анфиса и Нина как ни в чем не бывало, словно и друг Серега не приходил, и муж Вадик не вылетал ночью из этих гостеприимных стен как пробка, примеряли новые, только недавно купленные туфли – лодочки и босоножки. О, женщины! Мещерский аж растерялся. Он ожидал застать беззащитную плачущую Катю, готовился утешать, уговаривать, мирить, а тут...

– Нет, чегой-то, девочки, не того, а? – басом объявила толстая Анфиса, обвязывая вокруг лодыжки атласные ленты желтых итальянских босоножек. – Чего-то как-то лево мне с этими дурными веревками.

– Мне тоже так не нравится, но это очень модно в этом сезоне, – вздохнула миниатюрная смуглая Нина. – Кать, ты надень вот те черненькие замшевые. А я вот эти в горох с открытым носком.

Мещерский не знал, что перед самым его приходом Катя, сейчас так легкомысленно вертевшаяся на высоченных шпильках, безутешно рыдала под нервные возгласы подруг «Только

не реви!». Потом умывалась в ванной холодной водой. А когда прозвенел звонок и в домофоне послышался голос Мещерского, сразу по совету все тех же подруг цепко «взяла себя в руки».

В общем, внесение оливковой ветви мира под этот кров так в тот день и не состоялось. Кравченко на время осел у Мещерского. Кате он не звонил. Не звонила и она. Мещерский ужасно страдал от всего этого. А потом вдруг подвернулось это поручение в Праге и... Хотя и было оно черт знает каким, это странное поручение, но все же намечался хоть какой-то выход из сложившейся патовой ситуации.

Сидя за столиком кафе здесь, в Праге, на Староместской площади, Мещерский, чтобы отвлечься от тягостных дум, невольно прислушивался к разговорам за соседними столиками. За границей, куда ни плюнь, куда ни кинь – одни иностранцы. Вон немцы пиво пьют, по возрасту – ровесники. Разглагольствуют о чем-то рьяно – наверняка о футболе или о тачках своих навороченных. Но нет, разговор был на иную тему. «Ты видишь тот дом, Гельмут? – вопрошал рыжий двухметровый верзила своего приятеля. – Так тебе только кажется, что ты его видишь. И эту площадь, и эту вот кружку пива, все это тебе лишь кажется, майн либер фройнд. Этого нет на самом деле. Это все существует в тебе, а вне тебя ничего этого нет». «Метафизика прямо какая-то, – думал Мещерский, с трудом понимая немецкую речь (в немецком он был не очень). – И чтоб такой шкаф с баварским акцентом вещал с идейных позиций идеализма... И как это то есть ничего этого нет? Я же это тоже вижу сейчас – и дом, и площадь». Он закрыл глаза на мгновение. Ничего, темнота. Пощупал скатерть – нет, врешь, тут она, немец, и пиво вот тут, в ледяном бокале. И друг Вадик тоже тут – сидит, вздыхает. Он поднял голову, глянул на часы на ратуше – средневековые куклы совершили свой круг и убрались восвояси. И то окно наверху над синим циферблатом было закрыто. Никто не звонил в колокол – было еще рано, время еще не пришло.

– Не пора ли нам? – спросил Мещерский у Кравченко.

Тот покачал головой – нет, на виллу им надо явиться точно в 23.30, так назначено. А сейчас всего лишь начало десятого.

Мещерский вспомнил, только вчера днем они собирались сюда, в Прагу, паковали сумки. Это поручение Вадькиного работодателя Василия Чугунова... Вообще-то поручение из ряда тех, что мало не покажется. Но, с другой стороны, Чугунов Кравченко доверяет, тот у него начальником личной охраны вон уже сколько служит. Чугунов пожилой, с большой чудиной мужик, но вообще-то дед добрый, сердобольный. А семью Шагариных он знал якобы еще по Москве, до их отъезда, точнее, бегства за границу.

«Слушай, тут такое дело, мне завтра вечером в Прагу надо лететь, – объявил Кравченко (дело было после возвращения Мещерского от Кати). – Чугунов срочно звонил, сказал, кроме меня, послать по такому поручению ему некого. А мне сейчас все едино, что в Прагу, что в Антарктиду».

– А что ты там в Праге будешь делать? – рассеянно спросил Мещерский.

– Ничего. Просто заберу гроб с телом Петра Шагарина и сопровожу его через границу на Украину.

Мещерский воззрился на друга:

– Гроб с телом Петра Шагарина?!

– Ну да.

– Какого Шагарина? Того самого? А разве он умер? Когда?

– Слушай, Серега, я вижу, про Шагарина ты не в курсе, – Кравченко хмыкнул.

Мещерский пожал плечами. Про Петра Шагарина он знал лишь то, что и все – что это богатый бизнесмен, считай что заматерелый олигарх, что в прошлом он был весьма близок к Кремлю и Белому дому и входил в какую-то там «семибанкирщину», то и дело мелькал в телевизоре, владел акциями, банками, телеканалами, замками в Англии, островами в океане, самолетами, яхтами, раздавал интервью направо и налево, устраивал телемосты и дебаты, участ-

вовал в выборах, имел даже собственную партию или блок, а потом неожиданно в одночасье зачах, скукожился и скорострительно уехал за границу. И вот теперь по телевизору время от времени суровые дяди из генпрокуратуры сообщали о возбужденных в отношении него уголовных делах по фактам каких-то там финансовых махинаций и то требовали его выдачи от забугорного правосудия, то объявляли его в розыск через Интерпол. Но о том, что он, этот самый Петр Шагарин, умер, не было сообщений – вроде бы... Или были?

– Его что – убили? – выпалил Мещерский.

– Понятия не имею. Меня это не касается. Меня мой босс Чугунов попросил слетать в Прагу и сопроводить гроб с телом через границу на Украину. И семью его тоже сопроводить – жену и сына-малолетку. Быть там с ними во время похорон, исполняя роль телохранителя.

– Во время похорон? А почему хоронить его хотят на Украине? Он же здесь у нас был... жил...

– Был здесь. А хоронить будут на Украине. Там сложности какие-то возникли с пересечением российской границы.

– Сложности? Для кого? Для покойника?

– Серега, умолкни. Тебе-то что? Ну скажи, что тебе? Я ведь еду, не ты.

Вот так и получилось, так и вышло, что в Прагу они полетели вместе. Благо у Мещерского виза была еще не просрочена. А что было делать – оставить друга детства после ссоры с женой в одиночестве исполнять обязанности какой-то там добровольной похоронной команды? В Праге? Да еще при таких странных, если не сказать темных обстоятельствах?

– Он, этот Шагарин покойный, политикой активно за границей занимался? – любопытствовал Мещерский в самолете. – Газеты про него писали, что...

– Дозанимался он своей политикой, – буркнул Кравченко. – Достукался.

– Ты думаешь, это политическое убийство?

– Да какая нам с тобой разница-то?

– А вообще при каких обстоятельствах он умер?

– А я откуда знаю?

– А разве твой босс тебе не сказал?

– Нет. По-моему, Серега, он и сам ни хрена толком не знает.

– А его-то вообще какое дело, он разве дружил с этим Шагариным?

– Особо-то нет, у них даже в начале девяностых конфликт вышел за топливный концерн, но... Чугунов мой хорошо знал отца его жены, Елены Андреевны, работали они вместе когда-то. Потом, это ж похороны, о мертвых либо ничего, либо... Ну а он у меня с возрастом вроде того... на мир смотрит мягче, мне все втолковывает – смерть, она, мол, всех по одному ранжиру равняет. А там ситуация сложилась дрянь – Шагарин умер, сюда, в Москву, его везти не хотят, с похоронами что-то все никак не уладится. Там женщина одна – вдова, мальчишка, сын его. Ну, Чугунов и решил – в такой ситуации надо помочь.

– Собрату-олигарху? Я не пойму – как это вдова там одна? Они ж богаты как шейхи, у них там, наверное, охраны, прислуги тьма.

– Это у него в Англии было тьма, а в Праге... Я так понял – в последний год вокруг него не больно-то много народа крутилось. Опасно стало, стремно. Его вот-вот выдать могли как уголовного преступника, поди потом отмой репутацию, коли уж ты с таким человеком дело имел.

– Значит, это все из-за политики, да? – спросил Мещерский. – Черт, Вадик, а тебе-то что в этом?

– Мне плевать с тридцать пятого этажа. Но мой босс мне поручил, и я сделаю. Он мне за это деньги платит, между прочим.

– И как же ты... как мы с тобой повезем этот гроб с телом через украинскую границу?

– Да легко. Как «груз 200», или как там его – цинковый номер?

Вот такой разговор происходил в самолете чешских авиалиний, когда они летели над Карпатами. Мещерский в тот момент не спрашивал друга детства лишь об одном – знает ли об этом вояже в Прагу Катя. Он и так знал, что она не знает. Кравченко из Шереметьева ей так и не позвонил. Мещерский позвонил Кате сам уже из пражского отеля: так, мол, и так, мы с Вадиком решили немного проветриться здесь, пивка попить. «Да ради бога, пейте, хоть лопните, мне-то что», – ответила Катя. Мещерскому, правда, почудилось, что она украдкой всхлипывает.

В общем, сложно все было на семейном фронте. И вообще в жизни. А тут еще эти немцы – идеалисты хреновы за соседним столом. Эти часы Староместской площади, каждые четверть часа напоминающие о том, кто на самом-то деле там, наверху, звонит в колокол. По правде говоря, вопрос прежде всегда стоял «по ком он звонит» – этот самый похоронный колокол. По ком? На этот раз – по олигарху Петру Петровичу Шагарину, состоявшему везде, даже в Англии, в жесткой оппозиции к власти?

– Не пора нам к ним на виллу? – снова спросил Мещерский. Ему внезапно захотелось, чтобы все это поскорее закончилось: Прага, вилла, формальности пограничного порядка, сопровождение тела, положение во гроб, траурный марш. Эх, жизнь, чего ж ты так с нами, а? Ведь были же и мы... «Был же и я когда-то счастлив, жил в плену у ангелов, ходил на вурдалаков»... О боже, а это еще откуда вылезло, из каких потаенных углов? Он снова закрыл на мгновение глаза – черт, и правда ничего нет вне меня. Совсем. И колокол не звонит.

– Мне все же кажется, что это было убийство, Вадик, – сказал он громко. – А вот политическое или по каким-то другим мотивам...

Немцы-идеалисты за соседним столиком расплатились и шумно задвигали стульями. Мещерский невольно им позавидовал – здоровые, пивом налитые под завязку. Сейчас вот небось двинут на Карлов мост с девицами знакомиться, а потом куда-нибудь в бар или в стрип-клуб на всю ночь. А у них с другом Вадиком *гробовое* поручение. А дома в Москве плачущая Катя и вообще...

– Я говорю, лично мне кажется, это не что иное, как убийство. А здешняя медицина вскрытие проводила? Возможно, это был какой-то сильнодействующий яд вроде рецина, – повторил он громко свою догадку, ожидая реакции Кравченко.

Ее не последовало. Кравченко хмуро пил свое пиво, которое адски горчило в этот дивный пражский вечер. На Староместской площади, стараясь передудеть друг друга, заиграло сразу два духовых оркестра.

Глава 4

ДЕТИ СВЯЩЕННИКА

В тренажерном зале был погашен верхний свет – косые лучи закатного солнца пронзали узкие горизонтальные окна, прорезанные под самым потолком, рассеиваясь по белым японским татами золотистой пылью. Павел Арсеньевич Шерлинг в синем хлопковом кимоно закончил тренировку – вот уже месяц, как он осваивал приемы кен-до. До этого была подготовительная стадия карате-до, а перед этим китайская гимнастика ушу. Павел Шерлинг – известный и модный в прошлом в столице адвокат, потом советник по юридическим вопросам, а ныне душеприказчик Петра Петровича Шагарина, в плане восточных единоборств и философии был натурой пылкой и увлекающейся.

Тренажерный зал в японском стиле с примыкающей к нему японской же баней был оборудован им в его загородном доме в Подмоскovie на Новорижском шоссе. Все здесь радовало глаз «ваби» – простотой, неброскостью, функциональным своим назначением – светлая сосна стен, коричневый лак пола, белые хлопковые татами, с которых горничные по утрам сдували каждую пылинку. Жена Павла Шерлинга Лидия Антоновна «японщиной» не болела, предпочитала заниматься йогой и фитнесом в плохую погоду на застекленной террасе, оборудованной под оранжерею, а в хорошую – на свежем воздухе. Жена следила за собой всегда, и Павел Шерлинг уважал ее за это. Они прожили вместе двадцать лет, имели взрослую дочь Машу. Но сами еще, к счастью, были относительно молоды, потому что поженились очень рано.

На ранней женитьбе настояли их родители. В середине восьмидесятых, когда все это происходило, подобное выглядело каким-то анахронизмом – чуть ли не натуральное сватовство, смотрины, сговор. Но все дело было в семьях, из которых они с женой происходили. Они оба были детьми священнослужителей. Отец Павла Шерлинга был настоятелем храма в селе недалеко от города Александрова. Отец Лидии возглавлял один из столичных приходов – только-только отреставрированную в начале «перестройки» церковь на Марксистской улице. Да-да, оба они были «поповичами», и брак их, собственно говоря, был предрешен. Что ж, Павел Шерлинг никогда не обижался в этом плане ни на судьбу, ни на своих родителей – он очень любил жену. Особенно за то, что и она, как в свое время и он, нашла в себе силы измениться и стать другой.

Павел Арсеньевич был четвертым ребенком в семье. Зато единственным сыном, остальные были сестры. По желанию своего отца он тоже должен был стать священником: закончить духовную семинарию, рукоположиться и получить приход. Но отец его был человеком мудрым и посчитал, что профессия юриста карьере священника не помешает, а только поможет. Собственным юристом может гордиться любая епархия, и правовых вопросов у церкви не меньше, чем у светских институтов. Так что первое свое образование Павел Шерлинг, опять же по настоянию отца, получил на юридическом факультете. Затем он должен был пройти ускоренный семинарский курс, жениться на дочке настоятеля московского храма и начинать свое собственное служение.

Отец Шерлинга не смог довести этот план, намеченный им для своего сына, до конца – он скончался от инфаркта в Великий четверг. Павел женился на Лидии, но вместо духовной семинарии пошел работать в московскую коллегия адвокатов. Отца не было в живых, и некому было сказать «я тебе запрещаю» на такое решение. Впоследствии Павел Шерлинг часто думал о том, что было бы с ним, с его женой Лидой, с их дочерью Машей, если бы он все же стал священником. Где бы они жили и как? Что было бы с ними сейчас? И это касалось не только материальной стороны, это касалось всего. Уж, наверное, тогда бы его жена так тщательно, так самоотверженно, так фанатично не следила бы за собой и в свои тридцать семь не выглядела бы

старшей подружкой их девятнадцатилетней дочери Маши. Да и он сам бы считал занятия кен-до на белых как снег японских татами досадным чужеродным грехом. И уж конечно, судьба в этом случае никогда бы не свела его с Петром Петровичем Шагариным – ныне покойным.

Когда позвонили из Праги и сказали, что Шагарин умер, он, Павел Шерлинг, в это сначала не поверил.

В это трудно было поверить. Так трудно, что, несмотря на отличную форму и ежедневные тренировки кен-до, пришлось пить сначала нитросорбит, потом скотч...

Павел скинул кимоно, осмотрел себя в большое зеркало, вделанное в одну из стен тренажерного зала. Ухоженное тело сорокалетнего мужчины – поджарое и стройное, позолоченное искусственным загаром. Вот если бы не эта плешь на макушке, из-за которой приходится так коротко стричься, он был бы совсем в «идеале». Лида как-то сказала, что он в профиль похож на Штирлица, а в фас на Чарли Шина. Говорят, тот спился еще молодым в своем Голливуде. Ничего, как раз это нам не грозит.

Он растерся махровым полотенцем, выпил чашку теплого чая. Переменил кимоно. Похож он на сына священника? Здесь, в зале, нет. И когда мчит в своем новом «БМВ» по ночному Новорижскому шоссе, тоже нет. И когда летает в Лондон первым классом. И когда разговаривает с Петром Петровичем Шагариным – тоже нет... ныне покойным...

Он вышел из тренажерного зала и поднялся по лестнице в холл. Из гостиной слышались звуки скрипки – дочка Маша всегда занималась там, а не у себя, потому что в гостиной был рояль, высокие потолки и «объемный», как она говорила, звук.

Павел прислушался: Сарасате. Его дочь играет скрипичный концерт. Ее жизнь могла бы быть совершенно иной – у них с женой хватило бы денег сделать из жизни их единственной дочери сказку, но она выбрала свой путь. Он снова прислушался: эти занятия, эта музыка забирают у его дочери все. Она нигде не бывает, кроме консерватории, а до консерватории – центральной музыкальной школы. Ей не нравится путешествовать, не нравится отдыхать, не нравится смотреть мир, видеть новые места, города, отели. Ей все уже мешает в ее девятнадцать – кроме этой ее скрипки.

Он замер в нерешительности у дверей гостиной – ах, как она играет... А вдруг она и правда гениальна? А он, отец, этого не понимает, не улавливает. Жена Лида однажды сказала ему, что он «занят только собой, своей персоной, своими делами и патологически не способен чувствовать, сопереживать».

Это он-то не способен? Между прочим, а где сейчас она – его жена? Где она в этот июньский подмосковный вечер? Дома? Отсутствует? Проще всего было осведомиться у прислуги, что он и сделал:

– Что, Лидия Антоновна дома?

– Была у себя, Павел Арсеньевич.

Голос у домработницы был писклявый, а лицо одутловатое, морщинистое. Его жена не желала видеть у себя в доме молодых домработниц. Это был ее каприз, и Павел потакал ему, гордясь в душе. Было приятно сознавать, что... Ну, в общем, на прислугу он вообще никогда не обращал внимания. А на женщин своего круга... С этим было тоже сложно по ряду весьма личных интимных причин. Но капризами жены он все равно в душе гордился. Это было лишним свидетельством ее равнодушия даже после двадцати лет брака.

Правда, было одно обстоятельство – почти что катастрофическое, которое едва-едва все не разрушило. Но он старался об этом не думать. Что толку об этом думать теперь, когда все уже позади. Когда *он* мертв.

Он поднялся еще по одной лестнице на второй этаж. Это было подобно восхождению. Тут как раз бы было уместно что-то из Конфуция, какая-нибудь мудрая цитата. Но поповская закваска все еще была сильна. Павел никогда не переставал ощущать ее в себе. Вот и сейчас на ум отчего-то пришла не китайская сентенция, пришли строфы послания апостола Павла

к коринфянам, послание это когда-то в юности он по настоянию отца учил наизусть: «Никто не обольщай самого себя. Если кто думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным». «Но почему, с какой стати? – с внезапным раздражением подумал Павел. – Зачем так унижается главное достоинство человека, мужчины – его ум?»

Он подошел к дверям спальни. Когда домработница писклявым голосом объявляет о том, что «Лидия Антоновна у себя», значит, она здесь. Он распахнул дверь – их помпезная кровать под алым балдахином, антикварная, купленная за двадцать пять тысяч на парижском аукционе, холодный камин – в такой теплый подмосковный вечер никому и в голову не пришло разжечь его, на смятом покрывале книга «Код да Винчи» (его жена – дочь священника – горячо доказывала, что в пику папскому Ватикану ее следует прочитать всем без исключения).

– Лидуша! – позвал Павел Арсеньевич.

И услышал, как в ванной, примыкающей к спальне, шумит вода. Он повернул ручку – заперто.

– Лидуша, ты там?

Ему никто не ответил. Вода шумела все сильнее, внезапно он почувствовал что-то мокрое под ногами. Глянул вниз – струйки воды текли из-под двери.

– Лида, ответь мне! – Он дернул ручку на себя. – Что случилось, открой!

Он забарабанил в дверь кулаками, ногами. Его охватил ужас: что с ней произошло? И главное – когда? Неужели в то самое время, когда он так сосредоточенно, так спокойно отрабатывал приемы кен-до в зале, тренируя тело и волю полированной палкой, заменяющей самурайский меч?

– Лидуша, Лидочка! – Он кинулся к двери. – Эй, кто-нибудь, позовите Ивана снизу, пусть возьмет какие-нибудь инструменты! Скорей же!

Дверь в ванную открыли с помощью садовника Ивана – тот просто выбил итальянский замок. Павел Арсеньевич, шлепая по воде, которая забурлила по полу рекой, кинулся к жене. Она лежала в ванной. Голова ее покоилась на специальной надувной подушке. Розовой такой подушке, кажется, от «Диор». Она была совершенно голой, руки ее были вытянуты вдоль тела, а глаза закрыты. Она точно заснула в этой теплой, напоенной ароматными маслами воде. Он схватил ее, голова ее соскользнула в воду, он испугался, что она захлебнется. На мраморном столике рядом с ванной стояла пустая баночка из-под лекарства. На этикетке было написано «Реланиум».

Первую помощь жене оказал еще до приезда врачей он сам – перевернул ее на живот, уложил к себе на колено, засунул глубоко, как можно глубже два пальца ей в рот, надавил на корень языка. Надавил на шею. Лидия Антоновна захрипела. Она была еще жива. Ее вырвало прямо на его кимоно. И эта рвота была даром божьим, спасением.

А потом сюда, в дом на Новорижском шоссе, прибыли врачи с их клизмами и аппаратом для искусственной вентиляции легких.

Глава 5

ПОЛНОЧЬ В КОРОЛЕВСКИХ САДАХ

Пражское такси неспешно везло Кравченко и Мещерского по крутой улочке, опутавшей холм Петршин. Смеркалось. Проплывали дома, отели, станция фуникулера. Все это терялось в темной гуще королевских садов, в которой тут и там, как светляки на склонах холма, мерцали фонари. Навстречу ехали машины, автобусы, звякая, как консервная банка, проскрежетал на повороте трамвай. Сергей Мещерский в глубине души остро завидовал его пассажирам. «Вот люди едут к себе домой с работы, а мы... Это ж надо до такого додуматься, в такое влипнуть – мы с Вадькой едем забирать мертвеца. Да что, у Чугунова другой работы, что ли, для Вадьки не нашлось?!»

Кравченко отрешенно слушал через свой мобильный какой-то музон, скачанный из компьютера. Мещерский, не в силах более переносить такой его отрешенности, отнял у него наушники. Кравченко, оказывается, слушал Шевчука. В тишине королевских садов хриплый комариный голос еще из той, московской жизни пропел о том, что «Медный Петр добывает стране купорос». А это еще к чему, метафора какого такого плана?!

– Этот Шагарин, он ведь до отъезда нефтяным бизнесом занимался? – спросил он, лишь бы только не молчать.

– Газовым. – Кравченко отключил мобильный. – Вертолетный завод имел свой и еще много, много чего своего.

– А на Украине у него что, тоже был бизнес?

– А как же.

– Он на выборах кого поддерживал: «оранжевых» или же...

– Да какая разница теперь?

Мещерский вздохнул: и правда.

– А когда он умер-то? – спросил он жалобно.

– Неделю назад.

– Неделю?! И до сих пор не похоронен?

– Отдай мне наушники.

– погоди ты! Слушай, а почему мы не в морг едем, а к ним на виллу? Тебе так его вдова приказала?

– Чугунов.

– А почему мы должны забрать тело ночью?

– Видимо, они считают, что так удобнее.

– Для кого? Вадик, я как-то не врубаюсь. Ну, вот мы сейчас приедем туда и... что дальше?

– Там машина, что-то вроде катафалка. Вдова и сын-пацан. Заберем их, сядем в другую машину и поедем в Мельник, это городишко тут небольшой километрах в тридцати, там есть частный аэродром, где нас ждет частный же самолет. Загружаемся, летим в соседнюю Словакию, в Кошице – полчаса лету всего. Грузимся в машины снова и где-то около трех ночи переправляемся через украинскую границу в районе Перечина. Там нас тоже уже ждут.

– Кто?

– Некто господин Лесюк.

– Вроде читал я что-то про него.

– Сахарный король, заводы у него по производству горилки по всей «незалежной». Ничего себе горилка, я пил. – Лицо Кравченко выражало задумчивую меланхолию. Ничего, кроме задумчивой меланхолии, – ни тревоги, ни беспокойства. Словно так и надо, словно такую работу он выполнял всю жизнь.

– Труп-то там, в гробу, наверняка уже разложился. Червячки-с. – Мещерский поежился.
– Да ты можешь в отель ехать, Серега. Я выйду у виллы, а такси тебя назад отвезет, – Кравченко криво усмехнулся.

– А завтра что же, значит, похороны будут там, на Украине? – Мещерский отреагировал на подначку новым вопросом.

– Угу, с музыкой.

– А где? В каком конкретно месте? В Киеве?

– Возможно, насчет этого Лесюк в курсе. Он все там устраивает.

– А послезавтра мы с тобой, значит, домой?

– Тут направо, а не налево, – сказал Кравченко таксисту.

– Не розумим, – пражский таксист обернулся.

– Направо, панове, – Кравченко показал жестом. – Вот туда.

Такси свернуло к Страговскому монастырю. Снова улица поползла круто вверх по холму, а затем дома кончились и началась парковая аллея. Видимо, здесь, как и у станции фуникулера, действовало правило ограничения скорости. И таксист его послушно соблюдал, несмотря на то что вечерняя дорога была пустой. Процокали копыта – аллею пересекли два всадника. В свете фонарей их фигуры темнели на фоне монастырских стен. Это было так неожиданно, что Мещерский невольно вздрогнул. Всадники... Тут где-то, в парке, наверное, конная школа. В темной зелени парка мелькнула островерхая крыша виллы. Они миновали ее. Мещерский увидел подъездную дорожку, небольшой газон, освещенные окна. И никакого там забора вокруг. «Никаких вам тут оград, – думал он. – У нас бы сразу стену возвели крепостную, а тут вынуждены жить открыто, не прятаться».

Проехали еще немного и увидели еще одну виллу, стоявшую в глубине парка. Это был приземистый трехэтажный дом в романском стиле из светлого песчаника. Тут тоже не было никакого забора, но ухоженный газон был побольше. Его освещала электрическая подсветка. А на ступенях открытой веранды были зажжены масляные светильники в форме бронзовых чаш. Оранжевые блики огня отражались в темных окнах верхних этажей. На первом этаже освещено было только правое крыло. У подъезда Сергей Мещерский не увидел никакого катафалка – он представлял его себе отчего-то в виде бронированного «мобиля», похожего на тот, в котором возили папу римского. Катафалка не было, а вот «Скорая-реанимация» была. И она как раз спешно отъезжала от дома в тот самый момент, когда такси заруливало на подъездную аллею.

Была и еще одна странность – не успели они с Кравченко выйти и расплатиться с таксистом, как услышали громкие возбужденные голоса. Возле освещенного фонарем гаража, примыкавшего к левому крылу, стояла машина – грузовой пикап. Двое – лысый мужчина в хаки и полная женщина – усаживались в нее, лихорадочно запихивая дорожные сумки в багажник. Третий – долговязый блондин в черных брюках и белой рубашке с расстегнутым воротом и съехавшим набок галстуком – пытался их удержать, но безуспешно. Все трое спорили по-немецки, причем, как отметил Мещерский, блондин изъяснялся на этом языке с сильнейшим славянским акцентом.

– Чего они? – тихо спросил Кравченко (с немецким он был совсем не в ладах, хотя обожал словечки типа «натюрлих» и «абермахт»).

– Ругаются... Этот лысый в куртке, который с женщиной, про дьявольщину что-то...

– Про какую еще дьявольщину?

– Не понимаю... Кажется, эта пара уезжает... Этот лысый кричит: «Ни минуты не останемся здесь с женой дольше». – Мещерский, вытянув шею, тревожно прислушивался.

Но спор закончился – семейная пара захлопнула багажник, села в пикап, и тот тут же взял с места в карьер – через мгновение его красные габаритные огни растаяли в темноте. И только сейчас блондин в белой рубашке заметил новоприбывших. Запыхавшись, он подошел к ним.

– Добрый вечер, мы из Москвы от Чугунова Василия Васильевича, – веско объявил ему Кравченко, еще толком не зная, понимает ли этот иностранец русский язык и вообще слышал ли фамилию Чугунов.

– Да-да, мы ждать. Мы очень вас ждать, – блондин закивал. По-русски он говорил бегло, но тоже с акцентом – польским.

– Я начальник личной охраны господина Чугунова, фамилия моя Кравченко, звать Вадимом, а это мой напарник Сергей Мещерский.

– Хогель Анджей – шофер. Проше, панове, в дом.

– Пан Анджей, а кто это были, с кем вы у гаража воевали? – с любопытством спросил Мещерский.

– Это наш повар Отто и его жена, они бросать работу, уезжать, бежать.

– Бежать? Почему?

– Они раньше жить Восточный Берлин, – шофер Анджей поморщился. – Они там в Берлин совсем свихнуться при советах. Они верить в разный бред и бояться разных суеверий. Я католик, мой вера есть мне опора, а они есть безбожник, поэтому они теперь бояться и бежать отсюда из дома как крысы.

– Чего бояться-то? – спросил Кравченко.

Анджей только махнул рукой – жест одновременно означал крайнюю степень раздражения и пресекал дальнейшие расспросы. Следом за ним они поднялись на террасу и вошли в пустой просторный холл.

– Я должен немедленно переговорить с вдовой, с Еленой Андреевной. Она готова к отъезду? – спросил Кравченко. – А где машина, на которой мы повезем гроб с телом?

Анджей глянул на него, на лице его отразилось замешательство.

– Подождите, пожалуйста, здесь, панове, – сказал он. – Я сейчас все узнавать.

– Но у меня четкие инструкции от господина Чугунова.

– Подождите здесь.

Анджей пересек холл и скрылся в боковой двери. Кравченко и Мещерский остались одни. Кругом царил странная, давящая на уши тишина. Нет, совсем не так Сергей Мещерский представлял себе зарубежное убежище опального олигарха Петра Петровича Шагарины – совсем не так. Этот дом... Совсем не похож он на «замки», что строят для себя такие, как Петр Петрович, в Троице-Лыкове под Москвой и на Рублевском шоссе. И это странное безмолвие... Неужели тут так тихо из-за предстоящих похорон хозяина? Где вообще все – охрана, обслуживающий персонал, горничные, официанты, дворецкий? И почему повар так трусливо бежал отсюда со своей женой? И чем они оба так были напуганы?

Из холла на второй этаж вела лестница, покрытая бордовым ковром. Мещерский поднял голову и увидел наверху лестницы мальчика лет четырнадцати. Он крепко держался за перила, словно боялся упасть. Он был крупный, коренастый и полный. У него были темные, красиво подстриженные волосы, круглое лицо. Глаза его болезненно щурились на яркий свет, словно он попал на эту освещенную парадную лестницу откуда-то из темноты. Таким Мещерский и Кравченко впервые увидели сына Шагарины Илью.

– Вы кто? – спросил он. – Зачем сюда?

– Я от господина Чугунова. – Кравченко, обычно бесцеремонный в ответах с таким вот школьным возрастом, на этот раз был сух и сдержан. – Моя фамилия Кравченко. Зовут Вадим Андреевич.

– Вы, значит, к нам за ним... за отцом? – Илья Шагарин спустился на две ступеньки. Он был одет в потертые джинсы и затрапезную футболку. И у него, как отметили про себя оба, и Мещерский, и Кравченко, был вид человека, совсем не готового к немедленному отъезду.

– Мы должны выехать через час, нас ведь самолет ждет на аэродроме. – Кравченко приблизился к лестнице. – Тебя как зовут, мальчик?

– Илья. А вы зря приехали, мы отсюда никуда не поедem, – голос Ильи дрогнул.

– Почему? Как так?

– Так хочет мама. Она так сказала.

– Елена Андреевна? – Кравченко хотел было подняться к нему, но Илья внезапно испуганно отпрянул. – Эй, что тут у вас происходит? Эй, парень, да не бойся ты.

– Я не боюсь. Это мать боится. Ей все время снятся кошмары. Она кричит во сне.

– Ты должен понять, Илья, она такое горе переживает, смерть твоего отца...

– Он... – Илья словно хотел сказать им что-то, но осекся. Лицо его побледнело, покрылось бисеринками пота. – Послушайте... заберите нас отсюда, пожалуйста. Меня и маму... Не слушайте, что она будет говорить, просто увезите прямо сейчас. Или нас, или его.

– Кого его? – спросил Кравченко.

– Труп!

Мальчишка истерически выкрикнул это, словно был уже не в силах сдержаться. Эхо глухо отозвалось в пустом темном доме. Сбоку открылась дверь, и появился шофер Анджей. За ним стремительно шла высокая худощавая женщина с рыжими волосами. У нее тоже был вид человека, который не собирается отправляться в дальнюю дорогу.

– Илья, немедленно иди к себе, – тихо, властно приказала она.

– Мама!

– Тебе нечего здесь делать.

– Вот они, – Илья ткнул пальцем в Кравченко и Мещерского, – здесь, чтобы забрать нас отсюда.

– Пока мы не можем уехать.

– Но почему?

– Отправляйся к себе, – в ее голосе тоже звенела истерика. – Не устраивай мне сцену перед посторонними!

Илья всхлипнул, круто повернулся на ступеньках и ринулся куда-то прочь, в недра дома. Пораженный Мещерский наблюдал эту сцену – нет, совсем не так представлял он себе и жену Шагарины, и его отпрыска. Впрочем, мальчишка ему скорее понравился, только вот уж очень взвинчен. «Может быть, он что-то знает или о чем-то догадывается? – подумал Мещерский. – Что смерть его отца не случайна? Что им с матерью тоже грозит опасность? Но при чем этот его заячий вопль про „труп“? Неужели...» Он растерянно глянул на Елену Андреевну. Это была высокая стройная женщина лет сорока с лишним. Лицо ее, ухоженное, хранившее следы былой красоты, сейчас было полно какого-то безысходного отчаяния. И к этому отчаянию примешивался – Мещерский ясно читал это в ее глазах – страх. На ней были широкие черные брюки и черная блузка. В этот теплый летний вечер она лихорадочно куталась в траурную пашмину с пурпурной каймой. Мещерский ожидал увидеть в роли жены Шагарины какую-нибудь юную «модель», а тут оказалось, что он женат на зрелой женщине, фактически своей ровеснице. Точнее, был женат.

– Елена Андреевна, мы приехали по поручению Василия Васильевича Чугунова, чтобы оказать вам всю возможную помощь с перевозкой тела вашего покойного мужа, – объявил Кравченко. – У нас не так много времени остается до самолета, а нам еще ехать до аэродрома. Вы пока собирайтесь с сыном, а ваш шофер пусть отвезет нас в морг. Спецмашина для перевозки тела уже, надеюсь, там?

Елена Андреевна искоса глянула на него. Во взгляде ее мелькнуло нечто такое, что Мещерский вновь ощутил острую тревогу. Ему вдруг при его пылком воображении представилась и иная версия смерти Петра Шагарины: «А не замешана ли во всем этом сама вдова? Кому, как не ей, в первую очередь выгодна эта смерть? Она теперь и наследница, и свободная женщина. Вадька говорил – его могли выдать нашей прокуратуре. И у нее, как жены, образовалась бы сразу куча проблем. А так никаких тебе вопросов с российским правосудием. И капи-

тал унаследованный целехонек. Может, потому-то она и не хочет везти его сейчас на Украину, боится, что там обнаружатся следы убийства? А что, подсыпала муженьку яда в кофе за завтраком, а теперь психует, боясь разоблачения. А мальчишка обо всем этом догадывается. Только опять же, при чем тут этот его крик про труп? Чей труп? Неужели...»

– Вам не надо ехать в морг, молодые люди, – тихо сказала Елена Андреевна.

– Но мы... но как же тогда? – Кравченко при всем его врожденном апломбе и то растерялся под этим ее странным взглядом.

– Как вас зовут, я не расслышала второпях?

– Меня Вадим, а это вот мой напарник Сергей. Чугунов Василий Васильевич, мой шеф...

– Вадим, он звонил мне, я отказалась с ним говорить. Я ни с кем не могу сейчас говорить.

Все равно мне никто не поверит.

– Не поверит? Чему не поверит? – спросил Кравченко.

– Тому, во что я сама верю не до конца. В то, что он не умер.

– Кто?

– Петя. – Она резко вскинула руку, словно отсекая все их изумленные возгласы. – Пожалуйста... Я должна ненадолго отлучиться. Пройдите в гостиную. Я скоро вернусь, и мы продолжим. Анджей, проводите их.

– Ты понимаешь что-нибудь? – спросил Мещерский Кравченко, когда шофер провел их и оставил в просторном зале с угловыми диванами, помпезными лампами и темными картинами на стенах в тяжелых золоченых рамах.

– Сейчас я своему Чугуну позвоню. Дамочка-то, кажется, совсем того... на нервной почве. – Кравченко достал телефон. – Накокаинилась с горя, а теперь... Ах ты черт, его спутниковый отключен... Ладно, Пашке-секретарю звякну. – Он кивнул Мещерскому: – погоди, сейчас получим инструкции.

Мещерский слушал его разговор с секретарем Чугунова вполуха. Он все время прислушивался, ожидая возвращения этой странной рыжеволосой женщины – жены Шагарины.

– Ну что? – спросил он Кравченко, когда тот закончил переговоры.

– Чугун в «Лесных далях», туда кто-то от ЛДПР приехал. Ну, они там отдыхают. То-то он на звонок не отвечает, старая колода. Пашка, его секретарь, насчет дел шагаринских вообще не в курсе. Ну, это мне шеф лично поручал, так что...

– Что делать-то будем, Вадик?

– Если мы через час не отправимся отсюда на аэродром в Мельник, то в три часа ночи мы не пересечем украинскую границу, – Кравченко хмыкнул. – До чего ж я ненавижу эту нашу неорганизованность, Серега!

– И ты еще шутишь? – Мещерский покачал головой. – А что она, по-твоему, имела в виду, когда сказала, что он не умер?

– Я имела в виду именно это, молодые люди!

Они вскочили с дивана – Елена Андреевна стояла в дверях гостиной.

– Вам снятся сны? – тихо спросила она.

– Иногда конечно, – ответил Кравченко.

– Мне каждую ночь снится один и тот же сон. Ужасный. – Она медленно подошла и опустилась на диван. Пашмина ее соскользнула с плеч. – Он стоит у моей кровати, протягивает ко мне руки. Я вижу следы от инъекций, они кололи его там, на улице... Делали массаж сердца... Он пытается коснуться меня и не может. Господи, какое у него лицо... Он просит, он умоляет меня, чтобы его не закапывали, не засыпали землей. Я просыпаюсь от его крика и сама кричу. Каждую ночь.

– Елена Андреевна, но это же только сон, кошмар, – осторожно сказал Мещерский. – Нельзя же воспринимать его буквально.

– Нельзя? Вы приехали помочь мне похоронить его там, на Украине?

- Ну да, вашего мужа необходимо похоронить. Мертвые должны быть преданы земле.
- Вы считаете, что ко мне по ночам приходит мертвец?

– Ничего мы не считаем, Елена Андреевна, – твердо сказал Кравченко. – Я начальник личной охраны Василия Васильевича. И приехал сюда по делам охраны и помощи вам. А такие разговоры вам следует вести с...

– Психиатром? – Елена Андреевна закрыла глаза. – Вы вошли, заговорили, я подумала – вот наши ребята приехали, соотечественники, русские. Слава богу. Наконец-то. А то все эти здесь... Я реанимацию вызвала. Так они скандал затеяли, вместо того чтобы попытаться оказать помощь. А когда я возмутилась, пригрозили вызвать полицию. А повар-немец вообще удрал. И двое охранников-чехов вчера тоже попросили расчет. Тоже считают, что я сошла с ума.

- Для чего вы вызвали сюда реанимацию? – спросил Кравченко. – Кому?

– Ему, – Елена Андреевна произнесла это так, что у Мещерского по спине снова поползли мурашки.

- Так он, ваш муж, что же... не в морге, а здесь, в этом доме?
- Да, я забрала его. Они хотели везти его в морг. Я запретила.
- Но ведь неделя уже прошла! – не выдержал Кравченко.
- Хотите его увидеть?
- Тело вашего умершего мужа?!

– Он здесь, в подвале. Я бы перенесла его сюда, но боюсь, что Илья испугается. Он и так уже на пределе. А я... я не сплю уже вторую ночь. Я боюсь спать. Я никак не могу понять, как же все это случилось. Он был здоров, чувствовал себя нормально... Нет, вру, у него горло немного прихватило, врач сказал – легкая ангина. Мы ехали с ним в машине. Хотели вместе провести вечер. Потом ему позвонили из Москвы, самый обычный деловой звонок, и вдруг... Я даже сначала не поняла, думала, это обморок... А они сказали, что, когда приехали врачи, он уже был мертв. Так почему же я так ясно вижу его во сне живого? Почему он приходит ко мне ночью и просит не хоронить его?!

- Вашему мужу делали вскрытие? – спросил Кравченко. – Там, в пражской больнице?
- Нет, я не позволила.

– Но по таким делам вскрытие, насколько я знаю местные законы, обязательно.

– Я заплатила деньги и забрала тело, – ее голос снова зазвенел истерикой. – У вас еще есть ко мне вопросы, молодые люди?

- Пойдемте в подвал, – Кравченко встал. – Сережа, ты останься, пожалуйста, здесь.

– Нет, я с тобой, – ответил Мещерский. Раз уж пошли такие дела и здесь, на этой шага-ринской вилле, сумасшедшие, куда же они друг без друга?

Следом за Еленой Андреевной они прошли через холл. Снова появился шофер Анджей. Двери под лестницей вели в коридор, уходящий в недра дома. Звук шагов глушили мягкие ковровые дорожки. Где-то в глубине дома послышался бой старинных часов – двенадцать ударов, полночь. Мещерский ожидал, что они будут спускаться куда-то вниз, но они, напротив, поднялись по небольшой лестнице и очутились на открытой террасе позади дома. Повеяло легким ночным ветром. Мещерский коснулся перил террасы. Только это прикосновение сейчас и было реальностью. С веранды открывался вид на склоны холма. В синем ночном небе, как летучий корабль, плыла по канатной дороге кабинка фуникулера. Вот она заслонила собой луну. Мещерский вгляделся в даль – на фоне темного неба смутно вырисовывались контуры Пражского града, похожего на скопление черных айсбергов. Или на призрачный замок. Замок... Внезапно Мещерский остановился, точно споткнулся обо что-то. Сердце сжало предчувствие беды, близкой и грозной опасности. Он был не в состоянии отчетливо объяснить себе это ощущение, просто знал, что наилучшим выходом сейчас будет выйти вместе с Кравченко из этого

дома, сесть в такси, вернуться в отель, позвонить оттуда в Москву Кате, а потом немедленно ехать в аэропорт на ближайший аэрофлотовский рейс.

«Что ты, в самом деле? – одернул он себя. – Мало ли... И потом, кто сказал, что *такое* возможно? Просто, может быть, дело в другом и все это – странные безумные слова его жены – только часть инсценировки. Да, инсценировки, ведь этого Шагарина хотели выдать, а он таким вот образом решил перехитрить всех, инсценировал собственную смерть и... поэтому ни о каких похоронах и речи быть не может. Ну конечно же!»

Это была еще одна версия событий. Мещерский позабыл, что за последние два с половиной часа таких взаимоисключающих версий у него появилось уже три.

Шофер Анджей открыл дверь в конце террасы. Она не запиралась ни на замок, ни на ключ. Тяжелая дубовая скрипучая дверь. Вообще в этом доме, выстроенном еще при Габсбургах, было слишком много мореного дуба, картин и второсортных охотничьих гравюр.

Ярко освещенная лестница привела их в подвальное помещение. Они прошли через прачечную и винный погреб с пустыми стеллажами. За стеллажами было еще одно помещение. Елена Андреевна и Вадим вошли туда первыми.

– Пожалуйста, – Анджей вежливо пропустил перед собой Мещерского. Тот заметил, как бледен шофер и как он хочет всем своим видом показать – ничего такого особенного не происходит. Подумаешь, мы в подвале, но мы все равно в Европе. А в Европе ничего такого быть просто не может!

Посреди небольшой комнаты с низким бетонным потолком стояла медицинская каталка. На ней лежало тело, закрытое белой простыней. Рядом стоял медицинский стол из нержавеющей стали на колесиках. Обычно в клиниках на таких столах полно инструментов, пробирок, лекарств. Но этот стол был пронзительно гол, свет лампы отражался на его никелированной поверхности.

Мещерский глянул на Кравченко. В подвале работал мощный кондиционер, было прохладно. И никакого запаха тления. Кравченко под взглядом Елены Андреевны подошел к каталке. Постоял в нерешительности. Потом откинул простыню. Они увидели лицо на подушке – с заострившимися чертами, в обрамлении всклокоченных волос. Мещерский в первое мгновение не узнал в покойнике Петра Шагарина. Человек, прежде так часто мелькавший по телевизору, был этаким живчиком, смутно похожим на гоголевского Чичикова. Что-то и привлекало к нему, и одновременно отталкивало. А здесь... здесь на каталке лежал кто-то совсем другой – скорбный, застывший, равнодушный и к этому ослепляющему электрическому свету, и к любопытным взглядам. Мещерский почувствовал дурноту – он искал на этом мертвом лице следы разложения, распада, все эти ужасные трупные пятна, но не находил.

Кравченко, поколебавшись, совсем откинул простыню. Взял мертвеца за руку, пощупал пульс. Потом, уже не колеблясь, пощупал пульс на сонной артерии. Положил руку на грудь, затем приблизил открытую ладонь к мертвым губам. Жесты его были деловиты и профессиональны. Мещерский наблюдал за приятелем со смятением. Сам бы он... черт, да ни за какие коврижки не прикоснулся бы к покойнику!

– Пульса нет, дыхания нет, кожные покровы холодны, – Кравченко выдал это громко и хрипло. – Елена Андреевна, ваш муж мертв. Как это ни прискорбно, но он мертв.

Она подошла к каталке. Рыжие волосы ее растрепались. Траурная пашмина волочилась по бетонному полу.

– Мы должны вызвать спецмашину, созвониться с похоронным агентством, заказать гроб. Я сейчас позвоню на аэродром, пусть вылет отложат на три часа, – голос Кравченко звучал твердо и настойчиво.

Мещерский видел – приятель его решил взять ситуацию под свой контроль. И начал бороться с бредовыми идеями Елены Андреевны.

– А вас ничего не удивляет, Вадим? – спросила она.

– Нет. Ваш муж скончался семь дней назад. Его необходимо похоронить.
Она молчала.

– Я звоню на аэродром. Анджей, позвоните в похоронное агентство. Нужен будет гроб для транспортировки, катафалк... ну и все необходимое для самолета. Закажите также побольше сухого льда.

Анджей вопросительно глянул на Елену Андреевну. Исполнять приказ?

Она подошла к каталке вплотную. Она смотрела на своего мертвого мужа. Губы ее беззвучно шевелились. Мещерскому показалось, что она читает молитву или заклинание.

– Елена Андреевна, надо взять себя в руки. Так не может больше продолжаться, – громко сказал Кравченко. – Здесь, в Праге, вам никто не позволит держать мертвое тело в подвале жилого дома. Все кончится тем, что приедет полиция, санитарные врачи. И никакие ваши деньги не помогут. Обо всем знает пресса, будет грандиозный скандал. Хуже только будет!

Ее губы беззвучно двигались.

– Да о сыне-то своем подумайте. Мальчик напуган до смерти, – резко бросил Кравченко. – О живых заботиться надо!

Мещерскому показалось, что он может прочесть по ее губам – когда-то давно в школе еще он славился тем, что мастерски отгадывал по губам подсказки.

...ну что же ты... помоги мне... сделай усилие... одно усилие... подай знак...

Елена Андреевна действительно заклинала своего мертвого мужа. Или гипнотизировала – себя, их с Кравченко?

– Анджей, звоните в похоронное бюро! – Кравченко набросил простыню на покойника. Он все для себя решил – Мещерский это видел – и начал действовать вопреки «этой полоумной бабе».

Анджей выскользнул за дверь. Они остались втроем. Елена Андреевна не двигалась.

– Пойдемте отсюда, вам и сыну нужно собираться, – сказал Кравченко.

Она оперлась на никелированный столик. Прядь рыжих волос закрыла ее лицо. Нет, в этой давящей на уши тишине она не молчала. Она говорила – Мещерский это чувствовал, – только не с Кравченко, а с *ним*.

Внезапно она резко повернулась, закрыла лицо руками. Всклипнула.

– Ну-ну, Елена Андреевна, успокойтесь, – Кравченко бережно поддерживал ее, настойчиво направляя к выходу. – Скоро все будет позади. Мы поможем вам. Я позвоню боссу, возможно, он тоже приедет на похороны.

– Да не будет никаких похорон! – хрипло выкрикнула Елена Андреевна. – Я не позволю! Петя, слышишь, ты слышишь, я этого не позволю, пока жива!

Она оттолкнула Кравченко. Он попытался ее удержать, но она вырвалась. Чуть не упала, потеряв равновесие, уцепилась за стену и, видимо, в этот момент случайно нажала на выключатель. Лампы под потолком погасли: кромешная тьма... Потом свет в подвале снова вспыхнул, слепя глаза. И они увидели... Мещерскому показалось, что *это* видит только он один, видит не наяву, а во сне: по бездыханному, лишенному пульса и тепла телу, закрытому простыней, волной прошла судорога. Рука мертвеца, стукнув о ножку каталки, свесилась вниз. Мещерского прошиб холодный пот... Елена Андреевна придушенно вскрикнула, и в крике этом звенел ужас. Рука несколько раз дернулась, пальцы ее зашевелились, перебирая, шупая воздух подвала. Потом мертвые пальцы судорожно вцепились в край простыни и потащили ее прочь.

Дальнейшего Сергей Мещерский не видел. Он даже не почувствовал боли, когда со всего размаха грохнулся в обморок на пол.

Глава 6

НИВЕЦКИЙ ЗАМОК. КРАТКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Возле закарпатского села Подгорян испокон веков протекает речка Латорица. А над ней среди лесов возвышается Замковая гора, на которой стоит Замок. Из Львова, Ивано-Франковска и Киева, со всей Украины осенью, летом, весной едут в Закарпатье автобусы с туристами. Едут смотреть гору и Нивецкий замок на ней, о котором веками ходит в здешних местах множество легенд.

Старенькие экскурсионные «Икарусы», сипя натруженными моторами, карабкаются вверх по серпантину горной дороги. Это Старая дорога, проложенная лет пятьсот назад венграми. Она пересекает дремучие леса, тенистые ущелья, минует села на склонах гор, яблоневые, черешневые сады, виноградники, уводя все дальше к перевалу, издавна служившему карпатскими воротами между Востоком и Западом. Здесь, рядом с перевалом, как форпост и крепость, и был заложен Нивецкий замок. И сколько раз за эти долгие годы закрывал он перевал своими крепкими стенами.

Туристы обычно высаживаются на специально оборудованной стоянке для автобусов и около полукилометра идут в гору пешком. Дорога ведет к воротам замка, но экскурсионные маршруты предусматривают вот такую прогулку по окрестностям с любованием видами. А виды, дали, пейзажи и правда открываются отсюда, с горы, удивительные. Особенно со смотровой площадки на южной стене замка. И чего только не пригрезится счастливым, обалдевшим туристам в утренний, дневной ли, вечерний час – зеленая вершина Чернечной горы, воздушный шар, залетевший в это приграничье бог его знает откуда, ведьма на помеле, оставляющая за собой сноп ярких искр, как ракета, «Боинг» австрийских авиалиний, выполняющий здесь, в заоблачных высях над карпатскими деревеньками Завидовичами, Завязанцами, Мышлятичами, Волчишовичами, регулярный рейс Вена – Москва.

А с восточной стороны к замку ведет другая дорога – обычное шоссе, гораздо менее живописное, давно не ремонтировавшееся, разбитое дождями, захламленное разным придорожным мусором, валяющимся в кювете. По этому шоссе ползут к замку грузовики со строительными материалами. Дело в том, что Нивецкий замок вот уже третий год как реставрируется. А вместе с реставрацией на его территории под первоклассный горный отель переоборудуется так называемый «дом варты», бывшая караульная казарма. В данный момент Нивецкий замок, как и его окрестности, не что иное, как объект приложения капиталов, внедрения современных технологий и инвестиций. Дело в том, что всего в пяти километрах отсюда, в горах, Андрей Богданович Лесюк, известнейший на Украине бизнесмен и предприниматель, затеял строительство горнолыжного курорта. Там возводятся отели, кемпинг, рестораны, оборудуется подъемник и вертолетная площадка. Через пару лет эти сумрачные горы и узнать-то нельзя будет – в зимние месяцы сюда хлынет нескончаемый поток лыжников, и как знать, может, даже из самой независимой суверенной Словакии и ясновельможной Польши будут приезжать те, у кого «грошей богато». Ну и без москалей, конечно, не обойдется. Куда же сейчас без них, без москалей, – приедут, голуби, замороженные красотой мест, чистотой воздуха, белизной снега и редкой дешевизной по сравнению с уже набившей оскомину Андоррой и постылым турецким Улудагом.

В Нивецком же замке, как памятнике истории и культуры, все останется по-старому. Только вот избранным гостям Андрея Богдановича Лесюка откроет двери пятизвездочная мини-гостиница в бывшем «доме варты», да еще в правом крыле Верхнего замка будут оборудованы покои для совсем уже VIP-персон.

И все будет складываться как нельзя хорошо и отлично. А все темные легенды останутся в прошлом. Канут в тухлую Лету! Их просто неловко будет вспоминать здесь, в этих фешенебельных стенах, при электрическом свете роскошных люстр богемского хрусталя. И о том, о чем шепчутся досужие старухи в разных там Завидовичах и Мышлятичах на завалинках и у колодцев, здесь никто даже и не вспомнит. Мало ли что тут было в этих стенах когда-то. Мало ли какие ужасы рассказывают про сына последнего владельца замка, который как раз перед войной... Впрочем, все это ерунда и небылицы. Ужасные сказки для наивных, недалеких умом. Сказки, рассказанные на ночь. Мифы, порожденные мраком – точнее, колдовским мороком этих древних Карпатских гор.

Но если какие-то страхи и тревожат, терзают душу, над ними самое время позубоскалить и посмеяться. Ну хотя бы во время ежегодной летней ярмарки, искони проводимой здесь, под стенами Нивецкого замка, а ныне превратившейся в многолюдный фольклорный фестиваль, на который съезжаются сотни туристов. Здесь оживают легенды, трагедия становится фарсом, здесь играют рок и аутентичный фолк, бьют в барабаны, пиликают на скрипках, рвут струны электрогитар, горланят песни, разыгрывают представления, дурачатся и прикалываются, отрываються по полной, пьют горилку, пиво и местное вино. Здесь не думают о том, что было когда-то. О том, что может выплыть из потаенных уголков памяти, из тьмы и холода первобытной ночи – под вой волков, под скрежет зубовой, под мертвый стук в ваше закрытое, заколоченное с перепуга окно.

В бывшем «доме варты», а теперь пятизвездочном отеле, обустриваются спальни и ванны, устанавливается и подключается итальянская сантехника. В правом крыле Верхнего замка проветриваются и убираются комнаты, что расположены как раз над бывшим рыцарским залом. Когда-то, перед самой Второй мировой, в этом крыле жила семья последних владельцев замка графов Шенборнов. Через сорок лет тут уже отдыхал по осени кто-то из первых секретарей местного обкома партии, к которому наезжали из Киева поохотиться на кабанов друзья из ЦК. Теперь все здесь снова переоборудовано, облагорожено евроремонтом, модернизировано и улучшено в плане комфорта и дизайна. Здесь приготовлено нечто вроде санатория или убежища – тихой тайной гавани, о которой никто не должен знать, кроме узкого круга друзей и посвященных. И вообще здесь, в Закарпатской Украине, возле селца Подгоряны на склонах Замковой горы, все совсем не так, как в готической Праге или кремлевской Москве, как в туманном Лондоне или ветреном Нью-Йорке. Здесь все совсем по-иному.

Ну, Впрочем, солнце-то и здесь тоже заходит на западе (это константа постоянная). В сумерках со смотровой площадки небо кажется морем. А горы на горизонте – волнами, а может, островами.

По слухам из достоверных источников, в Нивецком замке ждут гостей. Будет совсем хорошо, если они успеют прибыть до наступления темноты. Но в принципе, если они приедут ночью на своих мощных дорогих машинах – «Лендкрузерах», джипах и «Мерседесах», ничего такого не произойдет, не случится. Наш век свято верит, что джипы и «Мерседесы», Интернет, ноутбуки и спутниковые телефоны – это суть не что иное, как новые идолы, талисманы удачи. Самые надежные обереги от чудовищ. От ужаса ночи.

Вообще-то о чудовищах в здешних местах кое-что слышали. И кое-что рассказывают. Порой, когда местные жители снова, в который уж раз натываются в лесу или на дороге на растерзанных окровавленных птиц, они тревожно названивают по старенькому телефону, стоящему в сельской управе, в район. Оттуда приезжают на авто с мигалкой стражи порядка и составляют протокол о новом факте «анонимного вандализма» или же «жестокости обращения с животными». Речь о чудовищах не заходит – к чему? Ведь засмеют умные люди. И потом, это вопрос, не относящийся к компетенции правоохранительных органов, озабоченных борьбой с коррупцией и преступностью, продвинутых, современных, отмахивающихся как от назойли-

вых мух в профессиональной горячке от разных там глупых деревенских суеверий. От темных сказок Карпат.

Глава 7

ЛЕТАРГИЯ

Самое главное было – крепко стоять на земле обеими ногами, ощущая только это – твердую почву. И не падать. Говорить себе: все в порядке, все в полной норме. Это не глюки, не сны, это объективная реальность, данная тебе, Вадим Андреевич Кравченко, друг ситный, в ощущении. Это не что иное, как *воскрешение*. Подумаешь, самое банальное воскрешение из мертвых, носящее медицинский термин «летаргия».

Вадим Кравченко повторял это себе, наверное, уже сотый раз, но... Другу Сереге Мещерскому было гораздо проще – он просто гикнулся со всего размаха в обморок там, в этом подвале, похожем на вылощенный, отмытый хлоркой склеп. В таких вот аккуратненьких пражских подвалах только гестапо заседать, пытая героических повстанцев, а не являть миру чудо воскрешения.

Но в принципе-то, по большому счету... Ну, был человек мертвым. И ожил. Был жмуриком бездыханным. И вдруг пошевелился. Другу Сереге повезло – он рухнул в обморок и не видел всего, что последовало за этим самым «шевелением». Вадим Кравченко – человек, не обладавший столь ранимой впечатлительной психикой, видел, сподобился.

Этот мигающий свет в подвале...

Хриплый вздох. Стон.

«Иезус Мария!!!» – возглас вернувшегося шофера Анджея, влипшего спиной в бетонную стену.

Вопль – нечеловеческий и уж тем более неженский – вдовы Елены Андреевны.

Ах, впрочем, вдова олигарха уже не вдова. А снова жена олигарха.

Да, другу Сереге крупно, очень крупно повезло – его психика поставила всему этому барьер. Шлагбаум опустился. Шторка на мгновение задернулась, скрывая *это* – лежащее на медицинской каталке под простыней и саму эту простыню-саван с себя сдергивающее прочь. Мертвой рукой и одновременно – воскресшей, сбросившей оцепенение летаргии.

Слово это Вадим услышал уже от врачей. Их столько потом наехало на виллу – пражские кареты «Скорой помощи» заняли все подъезды к холму Петршин. Хорошо, что дело происходило уже глубокой ночью. А то бы от зевак и репортеров не спасла бы и конная полиция. Петра Петровича Шагарина отвезли в клинику Святого Микулаша. У Елены Андреевны после всего произошедшего не было сил ехать туда. И в клинику отправился Вадим Кравченко. Оттуда уже под утро (принимайте разницу во времени между Прагой и Москвой) он и позвонил своему шефу Василию Чугунову, поднял его, не совсем трезвого, с постели и все рассказал, стараясь при этом не слишком походить на клиента бедлама.

«Да брось ты! Ну?! Быть не может! – реакция шефа была в этот ранний час эмоциональной. – Ну дает Петр Петрович, Петяха... В больницу, говоришь, повезли... И всегда он вот так – чего-нибудь да отколет этакое. Как тогда на приеме в Завидове, ладно, сынок, про это потом... И умереть-то не мог по-человечески! А это что ж за летаргия такая, а? Я думал, это так, фантастика научная».

Объяснять своему боссу, что это не научная фантастика, Вадим не стал. Что он вообще мог объяснить в такой ситуации?

Летаргия. Летаргический сон. Выход из летаргического состояния. Пробуждение. Пришествие с того света...

Про пришествие бормотал всю дорогу из клиники Святого Микулаша шофер Анджей, отвозивший туда Кравченко. Его бил сильнейший озноб. Кравченко от души посоветовал ему выпить водки.

Первым утренним рейсом из Москвы в Прагу прилетел доктор Самойлов – профессор, светило, присланный Чугуновым для консультации. Вадим и Анджей прямо из аэропорта доставили его в клинику Святого Микулаша на консилиум. Туда же приехала и Елена Андреевна.

А на Серегу Мещерского, очнувшегося от своего обморока, впрочем весьма быстро, жаль было смотреть. Кравченко и ему в сердцах посоветовал выпить водки. В душе он страшно жалел, что нервный Серега увязался за ним в эту поездку. Предчувствия у Кравченко были самые дурные.

– Летаргия – редчайшее явление, но это реальность, – так было объявлено профессором Самойловым уже на вилле Шагариных по возвращении с консилиума. – В мире наблюдалось не так много подобных случаев. Но есть и более уникальные. Одна женщина провела в состоянии летаргического сна двадцать восемь лет. А тут всего лишь семь дней, неделя. Слава богу, с похоронами торопиться не стали, – он многозначительно покосился на ставшую похожей на тень от пережитых потрясений Елену Андреевну. Несколько минут у кровати мужа в клинике дались ей, при всем ее самообладании, нелегко. – Я ведь понял из всего вышеизложенного, что правильный диагноз ему здесь местными врачами не был поставлен. Его сочли умершим...

– И настаивали на похоронах, – хрипло ответила Елена Андреевна. – Я не дала зарыть его в землю.

– Он обязан вам жизнью, – профессор Самойлов вздохнул. – А симптомы, про которые вы говорили мне, вполне типичны. У него болело горло, да? У многих впавших в летаргический сон все начиналось с состояния легкого недомогания и подозрения на хронический тонзиллит или ангину. Но в общем и целом мы еще крайне мало знаем об этом состоянии и о самом течении болезни. Летаргия – вещь малоизученная, и медицинскими средствами она не лечится. Более того, упрекать здешних коллег в недостаточной квалификации я бы тоже не стал – при летаргии налицо многие характерные признаки смерти: отсутствие пульса и дыхания, отсутствие реакции на внешние раздражители, даже на боль, холод кожных покровов. Сном такое просто язык не поворачивается назвать. Впрочем, древние верили в некое тождество смерти и сна. Мифические Танат и Морфей у древних греков были родственниками – дядей и племянником. В общем, все на этот раз, к счастью, обошлось. Но впереди у Петра Петровича длительный период восстановления, реабилитации. Я бы посоветовал вам сменить обстановку, как только его выпишут из клиники.

– Уехать отсюда? О, мы непременно уедем. Я и лишней минуты тут не останусь. – Елена Андреевна обвела испуганным взглядом стены гостиной, украшенные гравюрами и картинами.

Вот так идея отъезда и была заронена в умы. А потом появилась идея Нивецкого замка, как весьма удобного места реабилитации и отдыха. Приехать туда Елене Андреевне по телефону предложил потрясенный новостью о том, что «никаких похорон не будет», Андрей Богданович Лесюк – тот самый, кто должен был встретить похоронный десант по ту сторону границы – на Украине.

Нивецкий замок, как узнал Вадим, тоже был на Украине – в Закарпатье, совсем рядом с новым строящимся горнолыжным курортом, о котором столько писали в газетах. И о котором кое-что слышал Серега Мещерский, как-никак съевший собаку на туристическом бизнесе.

– Мне придется поехать с Шагариным и его вдовой, тьфу ты, с женой туда, – осторожно сообщил ему Кравченко. – Это распоряжение Чугунова.

– Куда?

– Через границу в Карпаты. А тебя я сегодня же вечером отвезу в аэропорт. Ты в Москву двигай.

– Нет. – Мещерский сидел в шезлонге на открытой веранде.

– Ты на себя в зеркало глянь. Зеленый вон весь, как трава. В Москву без разговоров!

– Ты на себя лучше в зеркало полюбуйся, Вадик, – Мещерский вздохнул. – В Москву я без тебя не поеду. Приехали вместе, вместе и уедем.

– Это может не день и не два занять. А как же твой бизнес?

– Я на фирму позвоню. Какое это может сейчас иметь значение? Мы стали свидетелями настоящего чуда. Ты хоть это понимаешь?

– Это просто уникальный медицинский случай. Летаргия. Мне доктор объяснил.

– Это чудо, Вадик. И оно произошло у нас на глазах. И знаешь что... у меня такое чувство – это только начало, пролог... – Мещерский чересчур уж сосредоточенно и серьезно вещал все это. – Это чудо не из разряда добрых чудес, хотя человек фактически воскрес. Словами я это не объясню, но я это чувствую. И одного я тебя во всей этой чертовщине не брошу.

– Ладно, что с тобой делать, – Кравченко усмехнулся.

– Кате позвони, пожалуйста. Я прошу.

– Сам лучше позвони. Скажи... мы задержимся на несколько дней.

Вслед за доктором Самойловым из Москвы спешно прилетел адвокат Шагарина и поверенный в его делах Павел Шерлинг. Он имел беседу с Еленой Андреевной, а затем вместе с ней на следующий день отправился в клинику Святого Микулаша. Вернулся Шерлинг до крайности взволнованный – пятна багрового румянца проступали на его скулах сквозь средиземноморский загар, пальцы дрожали, когда он прикуривал сигарету.

– Он сильно изменился, – таково было его первое впечатление. – Очень сильно изменился. Я видел его сквозь стекло. К нему в палату меня не пропустили. Врачи пока не разрешают разговаривать с ним. Говорят, что дополнительная эмоциональная нагрузка может вызвать шок.

Насчет Шерлинга у Кравченко сложилось впечатление, что этот загорелый, тщательно следящий за собой деляга-юрист с внешностью киногероя на вторые роли никак не может смириться с мыслью, что его патрон, Петр Петрович Шагарин, не умер. Не радость была написана на холеном лице Шерлинга, а растерянность и страх.

– Вот только сыграй в ящик, – хмыкнул Кравченко, делясь своими наблюдениями с Мещерским. – А потом попробуй восстань из мертвых. И твой адвокат скажет тебе, что все это незаконно.

Следующие два дня тянулись медленно и неопределенно. Кравченко регулярно звонил Чугунову, докладывая ситуацию. На вилле было тихо. Елена Андреевна все время проводила в клинике. Сына Илью она туда не пускала. Да он, насколько Кравченко успел заметить, и не рвался увидеть очнувшегося от летаргии отца.

Кравченко слышал разговор мальчика с доктором Самойловым. Илья спрашивал, кто такие Танат и Морфей, на которых так любил ссылаться в своих рассуждениях доктор. Вечером Илья сидел в гостиной на диване и читал антологию греческих мифов на английском, за которой специально посылал в книжный магазин шофера Анджея. Кравченко видел, что мальчишке крайне не по себе.

– С твоим отцом все будет хорошо, – сказал он (надо было хоть как-то успокоить пацана, до которого в этом богатом доме никому не было дела). – Летаргия – это просто болезнь, греческие выдумки тут ни при чем.

На третий день – по идее, ничего такого не должно было случиться, но вот случилось – Елена Андреевна сообщила, что забирает мужа из клиники.

– Мы не мешкая уезжаем отсюда, – объявила она Кравченко. – Вадим, свяжитесь с Василием Васильевичем, сегодня утром я с ним беседовала по телефону. Вы с вашим напарником поможете нам.

– Мы приехали именно за этим, Елена Андреевна, – сдержанно ответил Кравченко.

– Ну и хорошо. По крайней мере, есть на кого положиться в трудную минуту. – Она посмотрела на него и отвела взгляд в сторону. Он понял: она тоже не может забыть то, что им

обоим довелось увидеть в ту ночь в подвале. После паузы она продолжила: – Помните, Вадим, речь шла об Украине? Туда мы и отправимся. Там есть одно место, которое рекомендуют наши друзья, – тихое место в горах. Целебный курорт. Там мы проживем пару недель, пока он... пока мой муж не оправится окончательно от... – она махнула рукой, не в силах продолжать.

– Мы с другом целиком в вашем распоряжении, – склонил голову Кравченко.

Вот так все и произошло здесь, в Праге, на этой вилле, которую всем им скоро предстояло навсегда покинуть.

Сергей Мещерский вместе с Павлом Шерлингом смотрели в гостиной по спутниковому телевидению российский канал – в новостях сообщали о новых требованиях генпрокуратуры по экстрадиции «лондонских» и прочих «сидельцев». После фамилии Березовского сразу же была названа фамилия Шагари́на.

После передачи Шерлинг начал нервно звонить в Киев. А Кравченко было поручено ехать в тот самый городок Мельник с его аэродромом – туда должен был прибыть из Киева частный самолет. Кравченко забрал Мещерского с собой. Таким образом, самое главное событие – возвращение Петра Петровича Шагари́на из клиники – прошло без них. К счастью. На аэродроме с ним – живым – встретиться лицом к лицу было все же намного легче. И даже на минуту забыть про тот подвал, про ту больничную каталку и ту простыню, покрывающую *нечто*.

С аэродрома Сергей и позвонил Кате в Москву. Слов описать все с ними происходящее он так и не подобрал. Сказал просто, что из Чехии они через Словакию едут на Украину в Закарпатье, куда по «каким-то срочным делам посылает Вадика его босс Чугунов».

Катя подавленно молчала. Она не спросила: «А когда же вы вернетесь?» В другой раз Мещерский огорчился бы, но на этот даже был рад – по мобильнику на аэродроме под рев авиамоторов рассказать Кате всю правду было невозможно.

Глава 8

ПРИНЦЕССА-СКРИПАЧКА

После двух часов непрерывных занятий спина деревенеет, плечи наливаются свинцовой тяжестью, однако надо продолжать играть. Если прерваться, усталость окончательно победит тебя, слабость и боль в теле сломят твой дух. Надо продолжать заниматься, играть упражнения на беглость пальцев, следуя заданному ритму, оттачивать виртуозность техники исполнения. И очень скоро, как в марафоне, у тебя откроется второе дыхание. Воля и дух заставят тело, презрев усталость, снова стать послушным, покорным придатком смычка и скрипки в твоих руках.

Заниматься игрой на скрипке по четыре-пять часов в день – этого ведь совсем недостаточно, чтобы ну хоть немного приблизиться к идеалу. Для девушки в девятнадцать лет идеал вообще многое значит. Только вот одни избирают в качестве своего идеала Киру Найтли, Кейт Мосс или Кристину Агилеру, а ты – китайскую принцессу смычка Ванессу Мей, которая играет на скрипке так, что у тебя от восторга и зависти захватывает дух.

Сколько помнила себя Маша Шерлинг – дочь Павла Арсеньевича и Лидии Антоновны, она всегда играла на скрипке. В пять лет мать пригласила ей учителя игры на рояле. Но рояль маленькую Машу напугал своей громоздкостью и громким бравурным звуком. Словно черный лакированный дракон, открывал он свой зев, обнажая белые зубы – клавиши, и внутри у него все гудело, грохотало. Деревянные молоточки били по стальным струнам в его душной утробе, и казалось – только положи руки ему в пасть, только коснись зубов-клавиш, сразу и съест тебя этот злой и черный дракон-рояль.

Разочарованная, но не сдавшаяся Лидия Антоновна повела Машу в музыкальную школу и там, в кабинете директора, и решила ее дальнейшая судьба. Перед глазами пятилетней Маши, точно волшебный сундучок, открылся кожаный футляр, в котором лежала «восьмушка» – маленькая скрипка, на которой начинали играть в детстве все будущие гении и виртуозы. Скрипка была похожа на игрушку, на вычурную деревянную фигурку и одновременно на преданного друга. Очарованная новизной впечатления, Маша коснулась ее грифа, хрупких полосатых дек, ущипнула струны – скрипочка так и просилась в руки. В крышке футляра в специальном гнездышке был укреплен маленький смычок. Тут же лежала алая бархатная подушечка на лентах – подвязывать на шею в качестве подставки. Эта подушечка, черный гриф, смычок – палочка с белым конским волосом – и решили все дело. Маленькая Маша Шерлинг объявила громко и внятно, что хочет заниматься только вот на этой «деревянной куколке с черными ушками», что лежит в футляре-кроватке, на алой подушечке, прикрытая байковым одеяльцем-чехлом.

– Это не куколка, это скрипка, девочка, а черные ушки – это колки, чтобы ее настраивать, – сказали Маше добрые строгие тети – музыкальные педагоги. – Всему этому ты скоро научишься.

В той музыкальной школе Маша проучилась три года, а затем ее перевели в музыкальную школу для особо одаренных детей. Отец, кроме этого, нанял ей частного преподавателя из консерватории. Маша несколько раз участвовала в детских музыкальных конкурсах и завоевывала на них призы. На самый престижный – Венский – она не попала по причине болезни. Во время важного отборочного тура ее буквально свалил с ног жестокий грипп. И мать Лидия Антоновна категорически запретила ей играть перед комиссией с температурой.

Вообще с годами отношение родителей к занятиям дочери музыкой менялось. «Ты что же, действительно решила посвятить себя скрипке целиком?» – осторожно спрашивал ее порой отец. Маша отвечала: «Да, папа, я так решила». Он вздыхал, качал головой. Маша знала –

родители из всех профессий на свете самой престижной и хлебной считали профессию юриста. В свое время (в семье об этом ходило так много рассказов) отец даже отказался ради юриспруденции от церковной карьеры. Но навязывать своего мнения Маше он не желал – оплачивал ее занятия у известнейших консерваторских педагогов, был готов оплачивать и двухгодичный мастер-класс в Мюнхене, куда Маша должна была отправиться на учебу этой осенью.

Он вообще был хороший, добрый отец. Очень добрый.

Во время занятий у Маши было железное правило – не отвлекаться ни на какие внешние раздражители, особенно на телефонные звонки по мобильному. Их она просто игнорировала. Но этот – настойчивый и тревожный – услышала. Мелодия звонка была папина. Отец звонил из Праги.

– Машенька, это я, здравствуй, моя хорошая, – голос его был какой-то иной, не такой бодро-оптимистичный, как обычно.

– Пап, привет!

– Занимаешься?

– Занимаюсь.

– Прости, что помешал. А где мама? Я звоню ей, что-то она не отвечает.

– Она в столовой была, сейчас посмотрю.

Маша положила смычок, вышла из своей комнаты, где обычно занималась, спустилась по лестнице на первый этаж. Заглянула в столовую. Понятно, отчего отец волнуется. Тот недавний случай, когда маме стало плохо в ванной и пришлось ломать дверь и вызывать «Скорую» (Павел Шерлинг со всеми возможными предосторожностями постарался скрыть от дочери то, что это была попытка самоубийства). Маша об этом не знала, но о самочувствии матери все равно беспокоилась. Лидия Антоновна сидела в столовой, разговаривала о чем-то с домработницей.

– Пап, она с Аллой говорит, передать ей трубку? – спросила Маша.

– Нет-нет, подожди. У меня к тебе серьезный разговор, ты сама где сейчас: в столовой или в коридоре? Вернись, пожалуйста, к себе, ладно? – голос отца дрогнул.

– Я на лестнице, а в чем дело? Ты не хочешь, чтобы мама слышала?

– Да, то есть нет... нет, конечно же... У меня к тебе большая просьба, Машенька. Если мама вдруг скажет тебе, что вы сегодня вечером улетаєте, ты не соглашайся, не позволяй ей.

– А куда мы должны с ней улетать? – Маша от неожиданности даже растерялась. – Пап, ты что? Это она тебе сказала?

– Да, но...

– А мне она ничего не говорила. Куда мы летим?

– В гости к Андрею Богдановичу и его семье, в горы, – голос отца снова дрогнул. – Помнишь, как он говорил, что обустраивает в Карпатах отель на территории старинного замка?

– Замка? Помню. А что и... Богдан там будет? – тихо спросила Маша.

Богданом звали сына Андрея Богдановича Лесюка. Он был старше Маши, ему было двадцать пять лет. Последний раз они виделись с ним на прошлое Рождество в Лондоне.

– Маша, ты слышала, о чем я тебя попросил? Если мама скажет, что вы едете к Андрею Богдановичу и его семье в гости, ты откажешься, сделаешь все, чтобы вы не поехали. Скажешь, что тебе надо заниматься. Скажешь, что ты не хочешь ехать в эти Карпаты, что у тебя другие планы. Ты пойми, наша мама нездорова, она еще не совсем оправилась от того приступа. Ей вредно куда-то ехать сейчас. Вреден авиаперелет, – голос Павла Арсеньевича дрожал все сильнее. – Я пытался ей все это объяснить, как-то урезонить ее, но она меня не слушает. Телефон вон свой отключила. Маша, ты уже взрослая, ты должна понять меня.

– Папа, я... да ты не волнуйся так. Я постараюсь. Мне и правда надо заниматься.

– Я очень надеюсь на тебя. Если что, звони мне немедленно.

Какой странный звонок... Маша ничего не понимала. Настроение заниматься было порушено окончательно. Она закрыла скрипку в футляр и хотела было отправиться в столовую за разъяснениями. Но Лидия Антоновна заглянула к дочери сама:

– Как дела, принцесса? Как настроение?

Голос и у нее был иной, не прежний. Маша заметила, что после того приступа в ванной и поведение ее матери, ее обращение с домашними стало иным. Она словно бы каждый раз принуждала себя быть прежней, но у нее не выходило. Отсюда и этот делано веселый тон, эта нервная заискивающая улыбка. Маша любила мать, часто искренне ею восхищалась. Но сейчас восхищаться было нечем. Какая-то фальшь витала в самом воздухе их дома.

– Как настроение? Славное? – повторила Лидия Антоновна. – А знаешь что, котенок, я придумала? Не устроить ли нам с тобой самим себе маленький праздник? Помнишь, Андрей Богданович рассказывал про свой карпатский отель? Они едут туда всей семьей на несколько дней. Кстати, и Богдан туда тоже собирался. Он тебе не звонил, котенок?

– Нет, он мне давно не звонил, мама.

– Да, я забыла, Олеся говорила мне – он отдыхал с друзьями на Ибике.

Олеся Михайловна была матерью Богдана и женой Андрея Богдановича Лесюка.

– Туда и Шагарины приедут из Праги. Ты, наверное, слышала, отец тебе говорил... Петр Петрович был серьезно болен, почти при смерти, врачи потеряли надежду, но сейчас, к счастью, все обошлось. – Лидия Антоновна кашлянула, словно у нее внезапно запершило в горле. – Он жив. Самое главное – он жив. Они тоже будут там – его жена, Илюша... Я подумала, котенок, тебе надо отдохнуть. Ты совсем прозрачная от своих занятий стала. Да и со мной тут было тоже... Так я вас всех тут напугала, – она глянула на дочь. – Так что отдых необходим. Я заказала нам с тобой первый класс на ночной рейс до Киева, а туда Андрей Богданович прилетит за нами свой самолет.

– Мы что, сегодня летим?!

– Ну конечно! А завтра будем уже в горах, ты только представь себе – чистый воздух, тишина. Разве не здорово я придумала?

– Но мы же все – я, ты и папа – собирались в конце месяца на Корсику в море купаться!

– Да остров от нас не уйдет, это само собой. А это просто экспромт, сюрприз, маленький уик-энд.

– Нет, мама, я не могу, – твердо сказала Маша, помня просьбу отца. – Это невозможно.

– Но почему?

– Мне надо заниматься.

– Но заниматься ты можешь и там. Там первоклассный комфортабельный отель, у тебя будет место для занятий.

– Нет, – Маша покачала головой.

– Принцесса, ты не знаешь, от чего отказываешься, – Лидия Антоновна нервно улыбнулась. – Ну я прошу тебя, котенок, доставь маме радость.

Тон был фальшивый. А в глазах Лидии Антоновны была мольба. Маше стало как-то не по себе. Что происходит? Этот странный звонок отца из Праги. Теперь эта неожиданная новость – «вечером летим к Лесюкам». Что они оба от нее хотят?

– Мама, я не могу.

– Не можешь или не хочешь?

– Хочу, конечно, но...

– Тогда никаких разговоров больше. – Лидия Антоновна подошла к дочери и порывисто обняла ее, целуя в волосы. – Собирайся. Такси за нами приедет в восемь вечера. Богдан будет там, – шепнула она. – Он не даст тебе скучать.

Маша осторожно высвободилась из ее объятий. Она едва не ответила матери, что вот эта последняя фраза – это тоже фальшь, жуткая фальшь, запрещенный прием.

Лидия Антоновна покинула комнату дочери. В воздухе все еще витал аромат ее духов – «Коко Шанель». Маша растерянно смотрела перед собой. Неужели они действительно вечером летят в Киев? А оттуда в какой-то карпатский замок. Надо собираться... А как же отец? Она не выполнила его просьбы. Но что она могла сделать?

Самое простое было – взять инструмент и снова начать упрямо играть упражнения и гаммы. Она погладила футляр. Интересно, как она выглядит, когда играет на скрипке? У некоторых скрипачек просто зверское выражение лица от усилий. А какое лицо у нее? Богдан видел ее на сцене. Но ничего не сказал. Совсем ничего. Значит ли это, что она ему категорически не понравилась в роли новоиспеченной Ванессы Мей? Или все дело в его полном неприятии классической музыки?

Телефон пискнул – пришла SMS. Маша схватила телефон – а вдруг?! Ведь бывает – ты подумала о человеке... Вот так подумала, а он на том краю земли в чужом городе, в другой стране тоже вспомнил о тебе. И прислал весточку. Кто сказал, что чудес на свете не бывает?

Номер Богдана Лесюка она помнила наизусть. Но на дисплее телефона высветился совсем другой номер. Маша даже не поняла сначала, кто это. Потом увидела подпись «Илья». Это мог быть только Илья Шагарин, четырнадцатилетний сын Петра Петровича, у которого работал отец. Чудной такой, неуклюжий, но, впрочем, весьма забавный толстый мальчишка, с которым она познакомилась в прошлом году и который часто присылал ей по электронной почте из Лондона, из Женевы, а потом из Праги смешные письма и разные приколы. Он еще не вышел из детства. Когда вам уже девятнадцать лет, все четырнадцатилетние кажутся сущими младенцами... Хоббитами-невысокликками.

Маша бегло прочла SMS, не понимая его смысла. Потом прочла снова, и еще раз снова. Илья Шагарин написал: «Отец умер. А теперь он жив. Помоги. Мне очень страшно».

Глава 9

«КАРПАТСКАЯ СКАЗКА»

Полет прошел относительно нормально. Что называется, в штатном режиме. Сергей Мещерский готовился к худшему, а все совершилось быстро, цивилизованно и даже без привычной российской суевы и беспорядочности, сопровождающей всякие сборы. Самолет, ожидавший их на аэродроме в Мельнике, оказался новеньким евроджетом класса люкс, точной копией бизнес-лайнера, на котором по миру путешествовал председатель Евросоюза, – до умопомрачения комфортабельным внутри. В полночь из Праги на аэродром прибыла вереница машин – специально заказанная по такому случаю «перевозка» и два лимузина представительского класса. Елену Андреевну и Илью сопровождали Павел Шерлинг и водитель Анджей, остальные – человек семь – были нанятая в клинике медицинская служба. Профессор Самойлов на аэродром не приехал, остался в Праге. Санитары выкатили из «перевозки» инвалидное кресло и по специальному трапу подняли его на борт. В кресле сидел прикрытый клетчатой пледом Петр Петрович Шагарин. В свете ночных прожекторов он (Мещерский и Кравченко наблюдали посадку уже из самолета) выглядел обычным больным.

Шагарина разместили в салоне рядом с кабиной пилота. Вход в салон закрывали пластиковые раздвижные двери.

– Ребята, огромное спасибо. – Елена Андреевна, удовлетворенная тем, как все было подготовлено на аэродроме, обратилась к Кравченко и Мещерскому уже вполне по-свойски, без церемоний. – Илюшу возьмите в свою компанию, – она подтолкнула к ним сына. – Пусть с вами сидит здесь, а я буду там с Петром Петровичем.

Илья сел в кресло возле иллюминатора. Он не сводил напряженного взгляда с пластиковых дверей, скрывавших инвалидное кресло и отца, окруженного санитарями и медсестрами.

Взревели двигатели. Самолет пошел на взлет.

– Через полчаса будем уже на границе, – объявил Павел Шерлинг. Он читал «Форбс», но поверх него тоже все время смотрел на закрытые двери салона.

– Ты чего такой? – спросил Кравченко Илью. – Тебя, часом, не укачивает?

– Нет, я привык летать, – мальчик опустил глаза.

– Всякое, Илья, в жизни бывает, – Кравченко вздохнул. – Готовить себя к разному надо. Вон на войне, рассказывают, случаи были. Похожие.

– Похожие?

– Ну да, контузило бойца, посчитали его мертвым. Хоронить уж хотели. А он очнулся. Глаза открыл. А некоторых вообще в морг отправляли. Они там уже, в общем, просыпались, очухавшись. А бывает проще, напьется какой-нибудь до посинения...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.